ДРУГОЕ ПОЛУШАРИЕ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
АВАНГАРДА

№ 09 / 2009

ЗАУМЬ DADA АБСУРД БУК-АРТ СМЕШТЕХ КОМБИНАТОРИКА
ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ SOUND POETRY
ТЕОРИЯ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
АВ
АН
ГА
РДА

От футуризма к неофутуризму.
Эксперимент – Поиск – Ожившее Слово

Журнал выходит при поддержке Международной Академии Зауми
и литературной группы «Другое полушарие / СССР!»

Периодичность: 4 номера в год

Contact: drugpolushar@yandex.ru

Site: http://drugpolushar.narod2.ru/

ДРУГОЕ ПОЛУШАРИЕ /ANOTHER HEMISPHERE. – 2009. - № 09. – 100 стр.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА / CONTENT

TEXT POETRY

ВЕРБАЛЬНАЯ ГРАФИКА

СТИХИ С МАНИФЕСТОМ

VISUAL POETRY

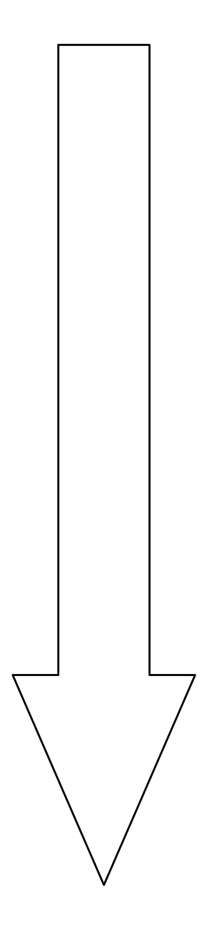
ФотоБуквоЛогика

ДП-АРХИВ

ИНО-СТРАННОЕ

УЧИТЕСЬ ХУДОГИ!

AVANT-KNIZHNOSTI

TEXT POETRY

Анна ЗОЛОТАРЕВА
Anna Zolotareva

Е.К.

1

Смерти моя лепа
не предрекай
донт ю край бэйба
донт край
жизнь она не ад хоть и
вовсе не рай
а человек ходит
с краю на край
и не знает с кем бы
донт край

не находит где бы
слезы не лить
полететь бы к небу
да фьюить фьюить
но всяк себе есть клетка
птица в висок
так не плачь детка
все – колесо

2

Спи лиса усни казак
глядь и высохнет слеза
ты терпи терпи лиса
будешь бравый атаман
а не то сбежит казак
станет подлый партизан
но лисе нужны леса
темнодебрые леса
казаку же снится воля
водкопивохлебосольный
стольный город без конца
и живет лишь тот кто болен
боли нет у мертвеца

Валерий ГАЛЕЧЬЯН
Valerij Galechjan

репетиция оркестра

080924 пластика звука студии новой музыки
дамы голоса вдалеке
ф
угу
др
оркестранты
д
о
в б
е и
р
я а
л
и
со
став
у
б
тру ные
с н
ол
о д евали
вла
думы концертанткой при рояле
оч
нулась
поперх
дружина духом
глухо
заголо
сила
в вилоончеле
з
а
ф с
ы т
р у
ч
ала
метеоритным оттоком

080925 симулякр IV алергиза
фа
ми
до
р
е
си чь
бисбилиандо
без
у
за
жимок
зв
ука
ст

словило кларнетом
с
 лов
у

080926 такемацу и кейджа моно хаба мона
дождливые
          ме
            ч ты
   из-за ер
двухрядной зелени
   по
     лей
    е
          квинтолей
                 хорал-ноктюрнов
          капитолий
                 заслонил
на рояльчике
   размером с табуретку
          таблеткой ноны
невзирая на препоны
      р
   го л истых
       ос
          дадаистов
                 кейдж почтил

080926 шум и тишина ударов щелкина
три
   н   и
    а   н
     с ц
          е
     ста
тишины
   про   в
      б   в
           о е
            д
          ения
            гр
          в   охот
             х
торжища шума
   палочкой
          дощечкой
   колокольчиков
          укольчиками урчания
по тарелкам
            п оводками
пальцев р
   в
    попад
под раздачу
   грохота
   порций
про
педалью в додачу

080927 ансамблю die reihe 50
ст   н
  а   о
   р в

е
йшие
глубокое личное
значение
на
drop
капли
намечали
м
до еряли
не в
другим

д
раз алась
игр
шипящая ночь
мандра
горы
заледенели

вд
а ли
кор б
т
уч
с кр
соскользнули
задули ветры
свистящие птицы
л т
с е али
в рк
разряды грозы
над предков могилами
тени
с
м гу
и с
р т
и
лись
штормовое
пр н
е
д
у в
пре и
ж
д
е
ние
н
не а рушит
р з
старческий покой

маски слов

н
стра ница
сторонится
об
ъятий
из
из начального
к
те ста

замес
за с
е
ведется на в гнили
из п
ыли
р
выползают
ря
жен ые
напома н
з
а
в б
л и
ек р
а
ют
в хоровод
т
с а иваюсь
гов р
с пр
о шедшим
т
сладостен
ст
о ов
к
зависших веков

080214

психология безумия

разбил банку варенья
пропала книжка
совсем повредился умишком
стр д
а
нности
вылечу трудами
фу
ко
лег
история историй событий
случайного распределения рассеяния
у
силий
бес
по
зорного
безнад
бессознательного
ск п
р
ы я
в ч
аю у
щ
егося
о
т
на п
к р
а и

з
н
а
ния
биовласти
дисциплиной
у
мерю
при
постоянный
трансисторический
тела контроль
получит
на о и
рех
в г е
т д
с а ности
ексу ль
признается
пред властью-познанием
без гра
ниц
падет
про
под боем
ск
лянки
гу
забудет
на
век
чело
новый во мне
ро
дится
насла
становлением
со
знательным
при
станет
не подведет
обормот

080313

критика философии

некий умозрительный подход
некоего индивида
без зримого вида
собственного
вы
ражения
от
уничижения
полон препон

080921

Света ЛИТВАК
Sveta Litvak

*
верти головам цветы
цветным головам верти
вертын цветнова глава
голов вертуна цветна

*
васпаримштоль воспарим
васпаримштоль воспарим
шкалик штолик выпьем штоли
анальгинштоль а с перин

*
не могу себе представить:
конопляшец огнеёглый
захлестнул в обвяжец друхдрый
дленнопродлую подлязгу
без прищима, и при этом
в состоянии кружавры
корнифорка люпуарый
сохранял невозблудивоздь

FARGONAEK

когда восхваляют опасные блески
то гора летит, ни выше, ни круглей
из чего она состоит? из сжати и сплющи
что лучше? конечно сплющи, то – не шутка
в сильном гневе мастера
что не хвалят, не годуют
фаргон***а***ек, кортас***а***рь и ендерь***а***рх
то – не шутка, то – не шутка
гора летит, ни женский, ни мужской
я не вижу ничего иного, кроме
пролетарий, проплыварий и прохожий
фаргонаек, кортасарь и ендерьарх
то гора плывёт, ни стихийно, ни мещански
что такое? что такое? фаргонаек, обскачи!
прохож***а***я, пролетая, проплывая П. де Ж.
ни яснее, ни главнее, ни что там ни говори
круче, то гора проходит соответствием частей
сплох – не шутка Ж. де П.
идёт гора, летит, где она? вот заросль Г. де Р.
ни съехать, ни сползти. чему она противится?
чем видится? кем слышится? как дышится?
накажут мастер***а.*** Возрадуйся! Возрадуйся!
ни мирный, ни воинственный
ни общий, ни единственный
фаргонаек, кортасарь и ендерьарх
ни мёртвый, ни живой, ни кортасарь
ни прохожий, ни чиновник из музея
ни дрофрезер, ни ттойрам, ни езаувал
ни фаргонаек, ни взрослый, ни подросток
то гора летит
то не жутко. Е. де О., З. де У., И. де Ф.
К. де Х., Л. де Ц., М. де Ч., Н. де Щ.
t. 33, col. 65. II, 480-481, QAZ. per V.Z**

Арсен МИРЗАЕВ
Arsen Mirzaev

Палиндромонодром

* * *

Угар врача – чар враг. У!..

* * *

У врача.

«Врач, а рвача – рву!»

* * *

…а Нюра-жопка, как пожар, юна.

* * *

Ужор. Брожу.
Ужор. Дрожу.
Ужор. Брожу.
Ужор. Дрожу.
Ужор. Брожу.
Ужор. Дрожу.
Ужороворожу.
Ужо – рожу.
Ужор рожу.
(Ого! родил. И дорого!..)

ПОЕДИНОК

«Болван, на в лоб!»…
– Потух. Утоп.

* * *

Каков отель – «Лето». Во как!

Я́РУБ! ТЕ́НЯРГ О́РОК СЯ́РУБ!

А. С. Пукнишу, балтийскому пииту

БУРЯ МГЛОЮ НЕБО КРОЕТ:

«Теорко́бен! юолгмя́руб!»

ВИХРИ СНЕЖНЫЕ КРУТЯ:

«Ятурке́ын женсирхи́в!»

ТО КАК ЗВЕРЬ ОНА ЗАВОЕТ:

«Теова́зан! оревзка́кот!»

ТО ЗАПЛАЧЕТ КАК ДИТЯ:

«Ятидка́кте чалпазо́т!»

ТО ПО КРОВЛЕ ОБВЕТШАЛОЙ:

«Йо́лаш те́вбо! е́лвор ко́пот!»

ВДРУГ СОЛОМОЙ ЗАШУМИТ:

«Тимуша́зйом олосгу́рдв!»

ТО, КАК ПУТНИК ЗАПОЗДАЛЫЙ:

«Йы́лад зо́паз! ки́нтуп ка́кот!»

К НАМ В ОКОШКО ЗАСТУЧИТ:

«Тичутса́зок шоковма́нк!»

Илья КИТУП
Ilja Kitup

КРУГ

Эй,
я шлю
Привет тебе,
разлюбезнейший мой
друг! А ну, давай-ка с тобой
нарисуем круг! Сомнений нет как нет,
дельце это непростое, но нам то что – справимся
– ведь наше дело молодое. Берём ведро с масляной краской,
пук засохших кистей из запаски и тут же приступаем к важному
делу. Всё вокруг было серо – станет бело. А коль захотим, так станет
чёрно. Было прилично, а будет – порно. Было оранжево – станет
сине. Всё по-иному станет ныне. Всё станет по-новому. Всё
– иначе. От новизны не смеюсь, а плачу. Ведь минуту
назад был хаос, друг, а теперь у нас стобою –
круг. Вообще-то не круг, а скорее, ромб.
Всё-таки лучше, чем взрывы
бомб. Не вышел круг –
так пусть будет
ромб.

АВТОСТИХ

Впереди капот блестящий,
Бампер и решётка. Пара фар.
Он настоящий. Он сработан
чётко. Из кабины пара дверок выпустит шофёра, если на
шоссе проверка – глушатся моторы. Сзади у него багажник,
а внизу колёса. Вот шофёр достал бумажник, смотрит очень
косо. Штраф уплачен. Что же – трогай! На дороге – пыль.
Ехать надо очень много – целый день и ночь, ей Богу. Топчет
ножками дорогу
наш авто- мобиль.

ЁЛКА

А
вот
и ёлка –
трясёт ветвями.
На
ней
иголки –
смотрите сами
Вот
ствол
корявый –
в иголках тоже.
о, как на ёлку стихи
по-
хожи.

Георгий ГЕННИС
Georgij Gennis

*   *   *

рассеянная ветром судьба дерева
зрение
вникающих в почву плодовитых корней
ярость восставших зёрен

май 2009 года

ближние дали

РАЗУМ третьего поколения
Кроткер распространял на выгодных условиях:
пенсионерам предлагал недорогие *Свечи мудрости*
людям с неустойчивой психикой
отпускал облегчённый препарат *Проблеск*
остальным за умеренную плату
церебральный стандарт в ампулах
окрещённый в народе *Ближние дали*

Товар был первоклассный
не палёный какой-нибудь
не китайская подделка
а наш
отечественный
изготовленный на фабрике *Светоч*

Как-то к нему подошли трое
и стали пререкаться
угрожать
скалить зубы
Слово за слово
вспыхнула ссора
Кроткера оттолкнули
опрокинули его лоток
разодрали упаковки
растоптали таблетки
а когда добрались до ампул
вынули шприцы и стали ширяться

Через пару минут их головы
начали излучать свечение
и такое яркое
будто в воздухе зависли шаровые молнии

Улёт
Башка – кипящий чайник мысли
сказал один из них
переживая напряжение извилин

Другой
ошеломлённый
открывшимся устройством мира
сказал
Я вижу космос
Он пронзён кинжалами вращений
усеян скорлупой и перьями
взбаламучен склокой
озарения и пепла

Третий молчал пошатываясь

Наконец все трое обнялись за плечи
и чтобы остудить ожоги интеллекта
побрели
в прохладный ужас повседневности

апрель-май 2009 года

лягушка

Кроткер встретил в лесу лягушку
Она учащённо дышала
раздувая щёки
В глазах сверкала изнанка ужаса

Мне страшно человек
что вьюга мироздания
всех нас
как пылесос затянет
в могучую воронку засосёт
И ждать так жутко
когда пожрусь её желудком

Кроткер взял животное на руки
и пристроил за пазуху
в тёплое жильё шарфа
Лягушка стала вырываться будто девушка
сердито квакать
но Кроткер придавил её сильнее
так что она охрипла
смолкла
и лишь пульсировала телом
в такт Кроткерову сердцу

Он укутался в метель
как в шубу
и пошёл
на отдалённые огни рассудка

январь 2009 года

бегство кроткера

Проснувшись утром
Кроткер услышал
как барометр
висевший на стене
заговорил
Тот кто тебя придумал
не поэт
а графоман и параноик
Унизить своего героя
вывернуть душой наружу
вскрыть подноготную
да так что сокровенное
оборачивается скабрезным
и всё лишь для того чтоб собственную гниль проветрить –
не литература это вовсе
Я могу такое сочинять циклонами
особенно на фоне низкого давления
Да и верлибры - традиция заёмная
с душком
прибежище бездарностей и маргиналов
Мой тебе совет - расстанься с ним
найди ему замену
а то окончишь дни
в подвалах одинокой флоры
среди чернеющих от боли овощей

Кроткер не знал что возразить
он что-то промычал
сморкнулся
потом опомнился
и кулаком ударил в стену
Барометр чуть не вспылил
качнулся
но всё-таки себя сдержал

Пожалуй прав синоптик
подумал Кроткер
рвать надо с автором
бежать

Он вскочил с постели
стал собирать в дорогу вещи
Тут с потолка посыпались крупинки
похожие на снег
и комнату наполнил запах мести
Ему вкатили кубик *виртуала*
уплотнили тело
отсекли всё лишнее
и матрицей вогнали в чемодан
Кроткера прищёлкнули замками
и слейверы помчали ношу
сквозь гул столицы
мегапронзительно чеканя рэп
из нового блокбастера

«Кровавая метель на ферме Энни Уэк»

апрель 2009 года

* * *

заросли пронзали пол
насквозь пробивали стены
опутывали стулья и всю домашнюю обстановку

своими побегами
у меня на глазах
пожирали пространство комнат

они обвивали ноги
поднимались всё выше
и скоро уже
ножами влечений
угрожали горлу

травы вползали в мой письменный стол
ворошили там рукописи
потом проникли в старенький телевизор
и напором
неукротимой похоти роста
взорвали его изнутри

обрывки взметнувшихся зрелищ
опадали как листья
продолжая пыхтеть восторгом
дымящихся наслаждений

май 2009 года

просветление

Кроткер вытянул из правого уха
сухой колосок
из другого извлёк отвердевшую чёрную ягоду
пальцем проник ещё глубже
к средоточию мысли
выпуская оттуда
труху прошлогодних листьев
прах насекомых
потом подмёл пол
и поразился пронзительной ясности слуха

Теперь жизнь потечёт иначе
Она будет насыщенной
наполненной мириадами звуков
сказал он Анечке Клеть
Она радовалась что Кроткер избавился наконец от пробок
мешавших им понимать друг друга

и преображался с каждой минутой
Пелена обречённости спала с его глаз
в них появился блеск
уверенного в неистощимости своего вожделения
человека

Они оделись и пошли гулять в парк
Кроткер иногда морщился
ему казалось что Клеть разговаривает слишком громко
и та переходила на шёпот
Они шагали среди набирающей силу весны
и восхищались упорством
вновь и вновь восстающей природы

Под конец прогулки Кроткер даже слегка оглох
от грохота каблуков
от истерики птиц
Анечка Клеть напротив
удивлялась как здесь покойно и тихо

Ночью Кроткер старался отвлечься
от мерзкого скрипа дивана
когда они ворошили
телесную память друг друга

март 2009 года

трапеза борха

Таня Коржина отломила кусочек от Виктора Борха
понюхала
- он больше ничем не пахнул
разве что сухой корочкой –
потом осмелела и съела
Борх был безвкусный
но вместе с тем сытный
Теперь он лежал на тахте
потрескивал
потихоньку разваливался

Борх был хоть и неживой
а подсказал чем запить
Она уловила дуновение его замирающей мысли
достала из буфета бутыль
налила в чашку зелёной
похожей на вязкую тину
биодобавки
и залпом выпила

Ну вот и поминки справили
сказала Таня
и поворошила крошево туловища
как крестьянин – зерно
Еды тут
на сороковины хватит

оценила она запасы
припасённого сдобного тела

Коржина затянула Борха простынёй
оставив открытым коричневый пряник лица
чтобы напоследок
ещё раз его осмотреть

Она заперла дверь
спустилась вниз
и выходя на улицу
поперхнулась предчувствием
наступающей для них с Борхом
новой невыразимой жизни

май 2009 года

* * *

Я лицо оцарапал
взметнувшейся птицей

ноябрь 2008 года

Андрей РУБЦОВ
Andrey Rubtsov

* * *

оба-ма! америка
"кар!" неги
барак # 44

* * *

пища бог off

19.02.2009

* * *

я один, ok?
окна динь-динь
напросто стекла
за ними иначе ok'ают
здесь чем не уют?
может убьют

* * *

со-дом и go more
memento mori

* * *

с_ТРАХ поглощает меня целиком
выжимает
высасывает
подпитывает

* * *

терция любви,
амигофрен,
фрустралик глаза
и воля вульвы

* * *

игра в be, сэр

2.03.2009

* * *

как капелькой какао
продолжить ИСоСо
star даст
тсс…

* * *

секс-венец и я
турбо секвенция
сенсейбилизация

* * *

транс. ПЛАНтация — не панацея
I_конка — кокаин

5.03.2009

* * *

кувырок, рывок
про-играл — проиграл
не останавливаться

* * *

ты — мой лаз в вечность
и чё
глаз в сущность
исчо

* * *

нате
На†е

Алексей ШЕПЕЛЕВ
Aleksej Shepelev

2-е явление дебилизма народу

Захотел спеть
голос сел за
ох затьл т
захо тел об нять
даже няня бля ть
жа ждал у топать
где де занять дар
от дал
у рад
не быль
опять
ть

оп - ля
ге ни я

Яна
нЯа
на в

уйми мя
 во имя
ьво

\+

пытаюсь стать тебе (себе) кумиром
беру тебя как пластилин и глину
рукам своим не-властелин не-враг
и получается ещё не-я, ещё один
он в кофточке моей сидит (она)
комар кошмарный кошаче-красный Ом
пьёт ром пиратский ртом и курит
трубку мирра Ню-ворлд-ордер
и жустриет как отрие
приправу «Кнорр-картошка-«крошка жук»

auto out a

зелёный чай кипяток
на балконе под солнцем
буду пить и сидеть
и читать про Гитлера
весь день - и всё
и мне насрать
на 2 выстрела
и что надо кончать.

* * *

(5) мы полипы-некрофилы
мы живём в воде, морской
сколько можно жить на, море
с крокодилом, клопом, пипой
и с моржом, какой, большой

(2) только кровь оживляет, воду
только воду пьёт мой, друг
(2) только он, не знает
только, соль, растворяет вкус

vizual depression

голод - это отвратительно
бездействие - вид её
невозможно прогнать этот вид её -
но как нож проглотил - гладкий вид её
я прижал к животу гладкий нож её -
я три дня лежал и жалел её -
не желал её - ни движения -
приближал её - удалял её -
облизал её - унижал её -
разрушал её - но бессмысленно -
ночь и день мне бессмысленны -
мне себе -
мне себе бы вспороть голод
или сделать разрез по воротнику - голову -
голого тела твоего я не выдержу

я держу в руках …

* * *

черноплодная личность
черноплодная личность моя
чай пей, моя черноплодная личность
халву-халву ешь, черноплодная моя
вот и всё, сволочь, хвались как
вы увеличились
чтоб одни веселились пси
а другие учились лизь-лизь

Дмитрий ЧИРКАЗОВ
Dmitrij Chirkazov

От автора:
Данная подборка состоит из текстов, представляющих собой разновидности анаграмм и анагрифов. Для большей ясности приводятся две формы записи - структурная (сокращенная) и обычная (полная).
Следующие разновидности анаграмм - эмболограммы (в переводе с греч. буквально "вклинивающаяся запись")

СТРУКТУРНАЯ ЗАПИСЬ:

Проглотивший пулю

Он хотел вы**п*Улю***нуть,
Он хотел вы**п*Улю***нуть,
Он хотел вы**п*Улю***нуть,
Он хотел вы**п*Улю***нуть,
....
Но, хоть ел, не вы**п*Улю***нул.

Клад

Надо от**к*ЛАД***рыть,
надо от**к*ЛАД***рыть,
надо от**к*ЛАД***рыть.
Да, но от**к*ЛАД***рою?
Да, но от**к*ЛАД***рою?
Да, но от**к*ЛАД***рою?
Дано от**к*ЛАД***рыть,
дано от**к*ЛАД***рыть,
дано от**к*ЛАД***рыть.
Но, да! От**к*ЛАД***рыл!
Но, да! От**к*ЛАД***рыл!
Но, да! От**к*ЛАД***рыл!

Мочегонное

Она по**моч*ОЙ***ила,
она раз**моч*ОЙ***ила.
А он по**моч*ОЙ***ил,
а он раз**моч*ОЙ***ил.
Они по**моч*ОЙ***или,
они раз**моч*ОЙ***или.
И он по**моч*ОЙ***ил,
и он раз**моч*ОЙ***ил.

ОБЫЧНАЯ ЗАПИСЬ:

Проглотивший пулю

Он хотел вынуть пулю,
он хотел выплюнуть "У"
и так далее...

Клад

Надо отрыть клад,
надо открыть лад
и так далее...

Мочегонное

Она поила мочой,
она помочила, ой
и так далее...

Симметричная эмболограмма:

СТРУКТУРНАЯ ЗАПИСЬ:

* * *

КАМ**зол*УШ*кам**ЗОЛ.

ОБЫЧНАЯ ЗАПИСЬ:

* * *

Камзол золушкам,
камзол ушкам зол.

Следующие тексты - особый сплав анаграммы и омограммы (анамограммы):

Марионеточное

ДИ***марионетка***ТЯ.

Марионеточное

Дима, Рио! Нет, Катя.
Дитя марионетка.

* * *

У**коготь**МА.

* * *

Коготь ума
у кого тьма.

Следующие разновидности анаграфов - скапограммы (с греч. буквально "стержневая запись"):

Колко-пакостное

Кол
кости *ЧИЛИ*
Па

Колко-пакостное

Колкости, пакости Чили
колпачили кости.

* * *

ет
Жил *ПЛАН*
ец

* * *

Жилет, жилец, план -
планетец жил.

Тоскливое

НЕГРИ**тоска**НА

Тоскливое

Негритоска, Тоскана -
негрина тоска.

Премия "Оскар"

ОС**кар**ТИН

Примечание:
Car - машина (англ.)
"Остин" – марка английского автомобиля

Премия "Оскар"

"Оскар" картин,
кар "Остин".

Тусовочное

ПОРча***плин***тусовКИ.

Тусовочное

Чаплин, тусовки, порки,
порча плинтусовки.

Ордынское

ско
нахрапом!
Вой ***НАХРАПОМ***
ти

Ордынское

Войско, войти

Скотина, храпом вой!

* * *

ржавы
Де ***ВЕЗ***
сны

Казнь

ча
Пала ***ГОЛОВА***
шка

* * *

Державы десны вез,
ржавы сны везде.

Казнь

Палача Палашка чашка,
голова головача
Головашка пала.

ВЕРБАЛЬНАЯ ГРАФИКА

Александр Горнон

Из книги «25-й кадр, или Стихи не о том» (вербальная графика)

1.

Мифический проФИЛЬ-
тровандеграунде
пеши
на уровнежизни в корзинах
теракт половой
и последствия взрыва
в авоськах
стрихнина
вожденье
правалами памятных дат
истечением полным
весной
первой ласточкой грач
он же ворон
сми
галкой
на крыше
поехавшей сразу мандаты
«манда*ты*» – кричали
на скверно-славянском
и в харю
скворцы прилетели
дальше по тексту
авганы авгуры овчары
служебные сукины дети
Бирнамских лесов домовые
игорных аулов

под Аустерлицем

попалка
нанирам
насилу отбился

прославил*Са**пушкой*
под Шипкой
*под*собкой *под*стилкой
*под*ножкой по ме-
сту
БЕРКОМом
по крышке
присыпан
притоптан
забылся
привился
дьячком на фальцете
и ладно
Клара 8-го…

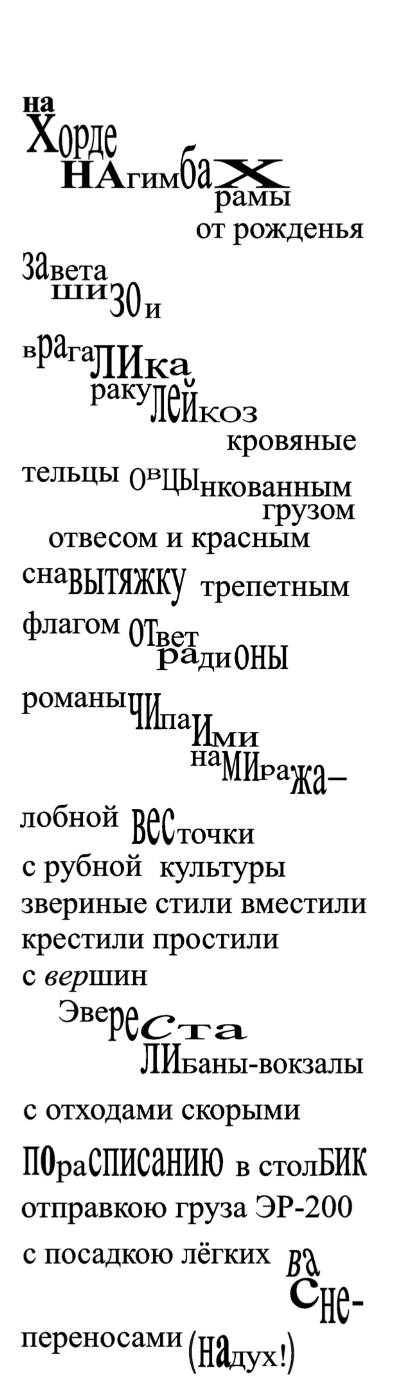
2.

Клара восьмого …(8-го)
синдрома тургия
навакХе
расимы
ростимы рослимы
навакСе
рце
вина сухие
реликты
(nach Osten?) nach Osten
наХ
рапатогены
поСадкой зелёных
нахалом
нахилом
наХ
Воро
стелистом

*пред*вечным
анам
низабытом
напишут
гороха раскатами
выделкой смеха
жилеТок
си
козы
оВцеЛОМ–
Иво всоломе
л
ки
НОсыты
напишут
ПОЗОРАстали
стёжки-дарожки
сПИ пантокрином
Тли
ц
ком
зол посошковый
испуга
вицытрус
хиМеры защиты
(пра законТРа
девы) цептивы
сюр (иТОщих)
тучных
Спор
ТнягойеСИ
рот
крестивших

щеПОТкой соборной
(под сказкой) иГИ
да Кащея
доСТУПны
темнотами
(детской боязни)
болезнь Леви-зны
или–Строссамо
мнением
стёртых
(со счётом разбойным)
в финале
чёрные дыры
(простывшего следа)
дикая песнь
отпущений
на козлах
ИбуДНИ сна
тяжки
Игра
бли
НаГИМ
бах
ПоНИ
же
спин
ны
миМО
згами
ПРОгнозы
вза ДНИ
цемент сериала
(бердою
набивших)

ибаловни
зудом
(часóт часу легче)
щипковых
шлепковых
ударных
раздиром
раздраем
и слампой поЯльной
(не к месту)
а к цели
бедой (цели
батом)
всё пятница
(пятница?)
пятница за
дом
ГАСпроМЫ
слом падай
(ВИ
агростроенья)
(промзоны Парнаса)
за нами
Москва-река
шетом
имеющим уши покажем
подъёмник на лысые горы
Ура
дуТИроем не
дуги
затменьем
знаменьем повторным

на
Хорде
НАгимбаХ
рамы
от рожденья

Завета
шиЗОи

вРагаЛИка
ракуЛЕЙкоз
кровяные
тельцы ОвЦЫнкованным
грузом
отвесом и красным
снаВЫТЯЖКУ трепетным
флагом ОТвет
радиОНЫ

романыЧИпаИми
наМИража–
лобной ВЕСточки
с рубной культуры
звериные стили вместили
крестили простили
с *вер*шин
ЭвереСта
ЛИбаны-вокзалы

с отходами скорыми
ПОраСПИСАНИЮ в столБИК
отправкою груза ЭР-200
с посадкою лёгких ва
СНе-
переносами (НАдух!)

вcéрЕБРЕННЫЙ веКто
раскрут(-кой-кому
доводилось)

поДОЛГУли?путы

поДОЛГУли?веРЫбори
по ученью **аз-буки**
все мирной путины

ушкол наготове – паучим

иВомутателеэкраНАзернистой основе

поДОЛГУвер
нарКОТа
РаКты в созвездии –
не рыба!

крестаЛИК мутнеет
труднее прозреть

Убиений природУшУМОВ посторонних

притонуСердец живописца кривые

оСИНОидальности ближних

сразЪЁмаТЕРшинами
беглого «ре»
Патриацией на хер

3.

сразЪЁма
терршинами беглого «ре»
Патриацией на хер

неВытег
гра
альфа омеГа
ра
скопом подземным

Игла
вНОЕбре
дни с
налётом часов на
селенье

у
слов
но
стилес И
суспензий дух
овныИкозлы

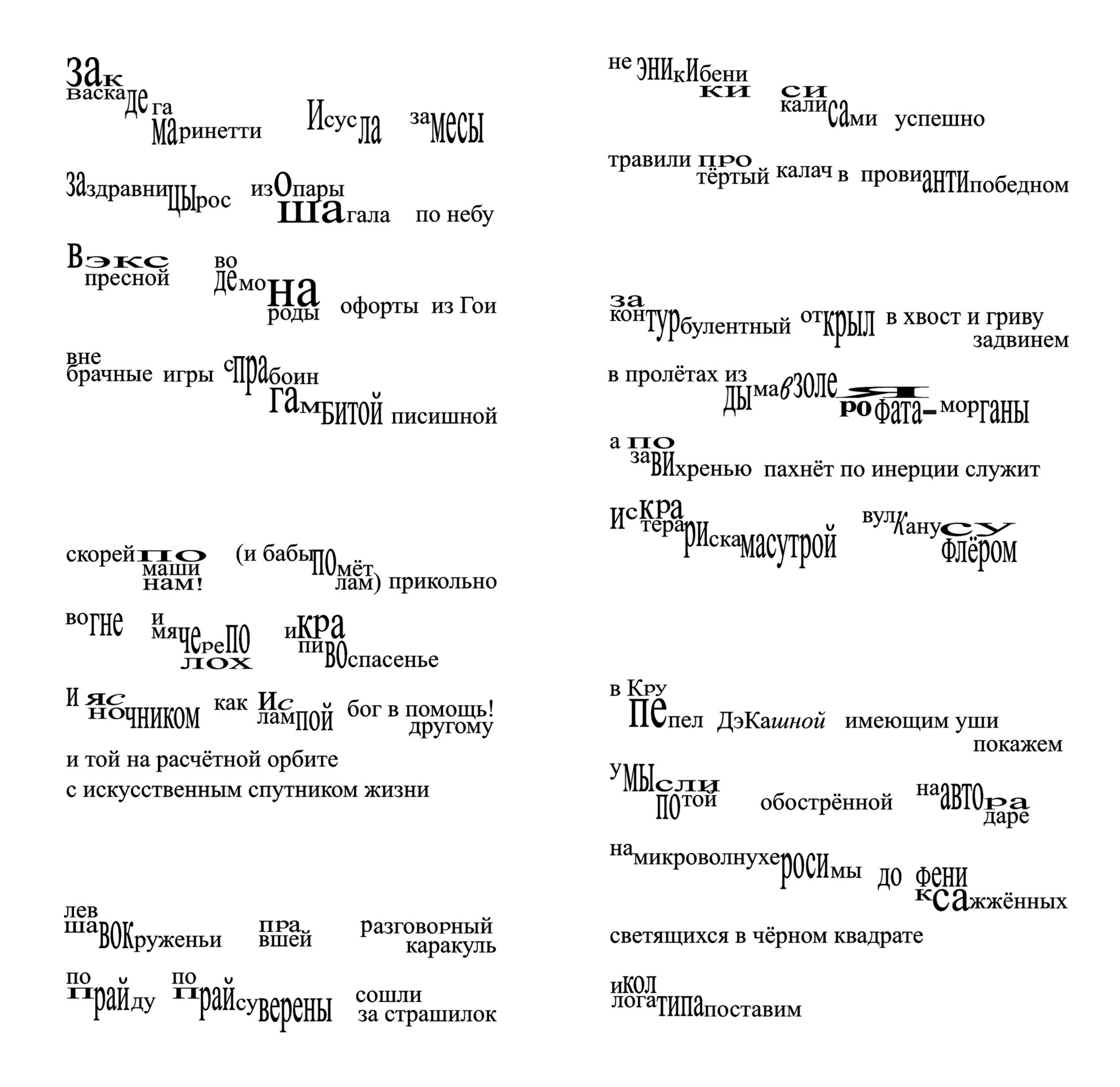
в
дуплесень
тября праВОроне-
нный сыр
мышеловки

потребностиха
валидолгаНОболь ягодица

заученных позНОр
мотиВЫхлопные раздвинем

кружок а под ним треугольник любовный
в проеме заМочной фигуры

во
славерли?бристапаром затонувший
проходит

Александр Горнон. Из книги «25-й кадр, или Стихи не о том» (вербальная графика)

СТИХИ С МАНИФЕСТОМ

Кирилл БУРЛУЦКИЙ
Kirill Burlutskij

Манифест
Fumage, или «По ту сторону искренности…»
(отрывки из теории и истории Fumage)

Fumage **—** (фр. *копчение, окуривание*) изначально, одна из техник сюрреализма, сутью которой является получение изображения (на обрывке бумаги или на холсте) при помощи копоти свечи или керосиновой лампы.

Сегодня.
Fumage — поэтическая техника, которая возникла *как реакция* на стихотворческие практики «концептуализмов» (в том числе: «постконцептуализм» (конца 90-х), «актуальная поэзия», «новая искренность», «новая песенность» и т.д.). Находит свой фундамент в самом корне постсимволистских (авангардных) штудий и исповедальных линий русской поэзии.

Немного в историю.
Концептуализм и постконцептуализм 70-х — 80-х гг. имели в своей основе технику **ready-made,** т.е. использовали готовый, в данном случае — речевой, материал. Занимаясь составлением текстов либо путём компиляции мертвых поэтических языков, либо комбинированием шаблонных речевых практик. В любом случае, это проходило в контексте авангардных языковых игр. Однако,

современные массовые «концептуализмы» ссылаются в своем творчестве на использование техники «Прямое высказывание», в основе которой лежит установка на «незамутненность», понятность, доступность и «искренность», что, в свою очередь, никак нельзя отнести к авангарду. И, если мы посмотрим на текст одного из стихотворцев «концептуализмов», например: «Стихи о собаке» Д. Воденникова, то увидим, что «Прямое высказывание» — всё та же, но автоматизированная, т.е. непродуктивная и устаревшая, техника Ready Made. Она уже не выполняет (в современных условиях) своих авангардных задач, а лишь обслуживает желание обывателя высказаться в «поэтической» форме. Техника Ready Made в 90-е — 2000-е не обрела нового осуществления, т.к. не пришла на смену чему-то устаревающему, но сама профанизировалась и опустилась в массовое использование стихотворцев «концептуализмов».

Истоки Fumage.
Исповедальность — не спонтанная речь мимолётной «искренности», в которой большинство современных поэзий имеют дело с чувством «только здесь и сейчас».

Исповедь — в христианстве и в иудаизме — одна из процедур покаяния. Рассматривалась необходимым условием для получения божественного прощения. Это обращение к надреальному, сверхреальному. С целью найти себя. Это ломка общего в себе, грамматики — в стремлении сказать свой язык, открыть свой ритм. Высказаться. Тогда и возможно покаяние.

В контексте уральской исповедальной поэтической традиции (среди наиболее известных поэтов — Ю. Казарин, Б. Рыжий, А. Башлачев) и возник современный Fumage. Само же слово «Fumage», в контексте поэтической этимологии, отсылает нас, во-первых, к имажинизму (от фр. ***Image*** - *образ*), который в основу поэтического творчества ставил создание образа как такового (понимание образа идентично пониманию его Э. Паундом: «*Образ сам по себе есть речь. Образ — это слово* ***по ту сторону*** *сформулированного языка*»). Во-вторых, это связь с футуристическими установками на будущее, на развитие, на создание чего-то нового (от ит. ***fu****turo — будущее, грядущее*).

Fumage.
Fumage — синтез авангарда и исповедальной поэзии, каковой происходит за счёт наличия общих структурных установок: индивидуализация речи за счёт слома грамматики; *исповедальность* стремится одновременно и озвучить мучающую тайну и закамуфлировать её (выделить из общего языка); *авангард* стремится шокировать, взбудоражить, разозлить, но и заставить работать воображение. Во Fumage происходит осознание и индивидуализация своего языка, речи, жизни.

Fumage — это стремление упорядочить свою жизнь. Оторваться от хаоса городской жизни и шума. Так возникает индивидуальный ритм жизни. Моя речь не спонтанна, а органична мне. Не общепринятым нормам реальности и морали, но только мне. Я поднимаю её над реальностью. Поэтому, она сверхреальна, сюрреальна. В отличии от опытов сюрреалистов первой половины XX-го века, техника ready-made не применяется. Преодоление этой техники произошло за счет ее активных использований концептуалистическими и постконцептуалистическими течениями.

Для Fumage важно погружение в грёзы. Вино — гармония, вне природного хаоса. Когда пьёшь вино, ты оказываешься на грани безумия и истины — дальше всё зависит только от тебя. Fumage, как и вино, открывает глаза на головокружение мира. Узнав вкус вина, я готов искать себя. Я готов исповедоваться. У вина и у поэзии один античный бог.

P.S.
Fumage — это открытый диалог наедине. Но смогут ли понять мою речь? Моя речь — по ту сторону искренности…

...что случится на моем веку.
Б. Пастернак

Колышем долгою, мой путь у Питера —
теáтра серых навечных дождей.
Перецелкована
                    будь
        и огрошена
медь мне прочная сил лошадиная.
Стаен сотнею бродячих заполночь —
стон мой сущий
    лучина в окне.
Тьма там и лобное есть я у партера:
сцена и всадник, и волки,
                                    и век.

Остекленевший лес

…а может, оглянусь вослед
себе
и холодно по-волчьи.
Остекленевший лес —
не бес, а людный загород в иголках щек и вою.
Протоптанной во глубь
                    я пеш и глуп
всю жизнь я убежал на волю.
Воя на призрáчный воль
я тополь и берез не примечаю — столик чаю хлеба и светло
от маленькой во клубе óблака в окне:
                                    в своей кв.
                        здесь я и смотрит на
                сквозь остов плавкого песка.

Жертвоприношение

я вышел по улице вымокший
ливнями от по утру
трое с крылами белесыми
тело мой смотришь упрут

хочешь мой дух будет рамами
веру пустыню держать
ход через ночь мой ста́иный
бежать от огня сторожа

я выжил по улице вымокший
волком во все сторона
трое с крылами известные
грудь рвут когтями пора

в церкви

…оличен в во́сковом свете!
Я — младенец золото в речи
непреступен я — челядь и век.
Утопая в восковом свече,
я — свой совесть и есть и весь
перекрестен — и во́ след и здесь
обезличен. В во́сковом свете
я — младенец золото в речи
переступен. Я — чело и век.
Утопая в восковом свече,
я — свой совесть и есть и весь
перехрестен — и после, и здесь.

Из дневниковых мыслей

Мы виделись в на́дцать по мартобрю.
Падал снег за окном,
болеро
там играл гитараст.
Пью вино,
ну а Вы шла воочию мне у метро
за окном болеро играл гитараст.
Я не спал между днем и воочию
па дал снег
на асфальту шла Вы у метро
я не трону Вас я нетровас
не король и не ллирик испанский
я пас
когда всё по делам по часам
пью вино у окна за стеклом
шла Вы с пёсиком
тром-мтротром-метровас
каблучки-цки-цкы-чку-цко-чка-цке-чки.
Мвдлси внадцта пмртбрю.
Па далснег за окном, болеро-болера
там играл гитараст-гитарест-гитарист-гитарыст
пью и о
ну я Вы шла воочию между
днем и ночью

ослеп и пеш,
я слышен шепот конопляный
опальный
Гром и молнии в ушах. Я — пеш-
ка, разыгран песочной рекой.
Я — гой поверженный во жён и нерж
моей копейки
решка!

…ни зги, не жил, но шёл оскалившись и осень
я золотом пути Твоим хроним и нёс
охрещенную плоть
пальто
и тёплый свитер.
Доль пóэта — не пот
не путь не зги не выпуть
озмеевшись кружить
во осени
Кружи и тьме.
осмехавшись во сне, и колоси свой выхер!

.

...ВОЛКОМ ВО ВСЕ СТОРОНА...

Интересные вещи в современной поэзии тоже происходят.
Например, появление Кирилла Бурлуцкого.
Уже фамилия, почти Бурлючского!
А дальше собственно стихи.
И их осознание автором.
И Fumage.

Здесь уже все понято автором<...> и все просвечено.
Есть и микроманифест, поясняющий технику Fumage.
В стихах мы обнаружим разного рода отсылы к историческим авангардистам.
В послесловном самоинтервью к сборнику “Fumage” автор прямо говорит об имажинистах.
Правда, не называет их основного теоретика Вадима Шершеневича.
И правильно делает<...>
Возьмем, например, строчку:

ну а Вы шла воочию мне у метро

Посмотрим, причем здесь Шершеневич.
В "Листах имажиниста" (1920 г.) Шершеневич писал:
"Поломка грамматики, уничтожение старых форм и создание новых, аграмматичность, - это выдает смысл с головой в руки образа".
И еще: "Мы хотим славить несинтаксические формы. Нам скучно от смысла фраз: доброго утра! Он ходит!.. Нам милы своей образностью и бессмысленностью несинтаксические формы: доброй утра! или доброй утры! или он хожу!"

Из тех, кто успешно реализовал идею аграмматизма тогда же, в 20-е годы, можем назвать Нину Хабиас, проявленную в книжном варианте усилиями исследователей лишь в 1997 году.

И вот неожиданно Кирилл Бурлуцкий выхватывает пространства

волком во все сторона

и это оказывается именно в точку. В качестве примера укажу на энергетийно насыщенное "жертвоприношение".
Впрочем (но на самом деле — не впрочем, а в главном), энергетика вообще в книге как раз возникает на сломе грамматики:

...я чёл
листами перстая Даля

Здесь чувствуется взаимозависимость энергетийного посыла и осязания словесной материи.
И правильно, что возникает Соснора.
Поэт — это волк слов. Он их пробует на зуб. И, если не подходит, выплюнет, а другие перегрызет так, чтобы они вставились на место.
Главное, чтобы эти вкусовые возможности сохранялись... к дальнейшему поиску... во все сторона...

Сергей Бирюков
бивуак Академии Зауми
Средняя Германия

VISUAL POETRY

Pierre GARNIER

Шесть визуальных стихотворений
из книги Пьера Гарнье

Le feu et la pomme: Ève et Prométhée

Ева похищает яблоко *Прометей похищает огонь*

(

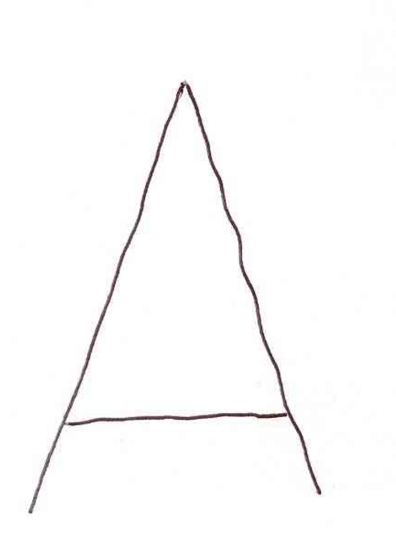
ÈVE VOLE
LA POMME

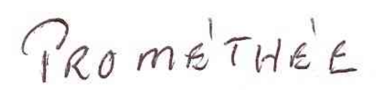
(

PROMÉTHÉE
VOLE
LE FEU

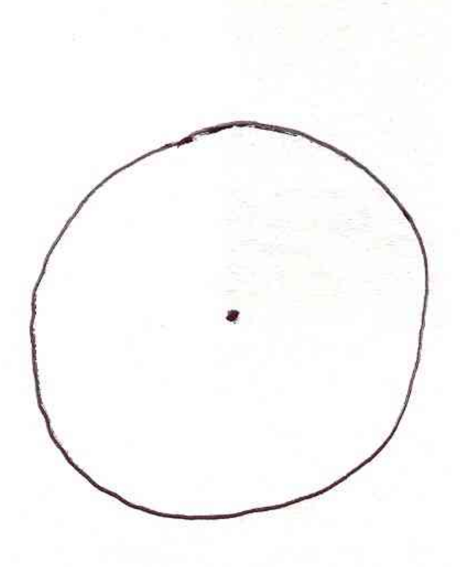
Прометей *Ева*

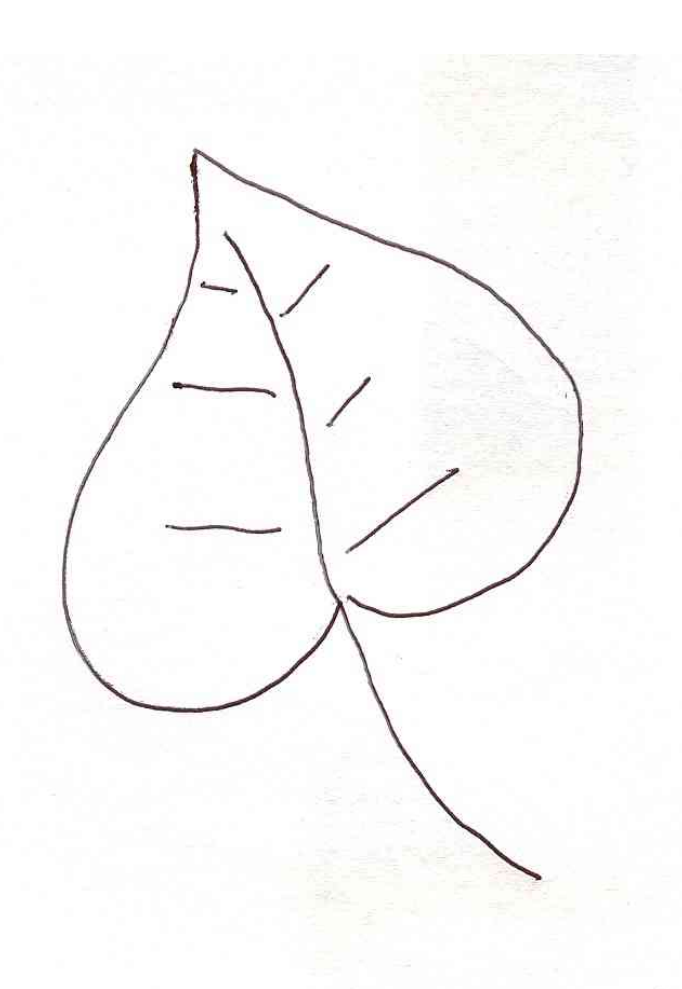
Рождение Одного

NAISSANCE

DU UN

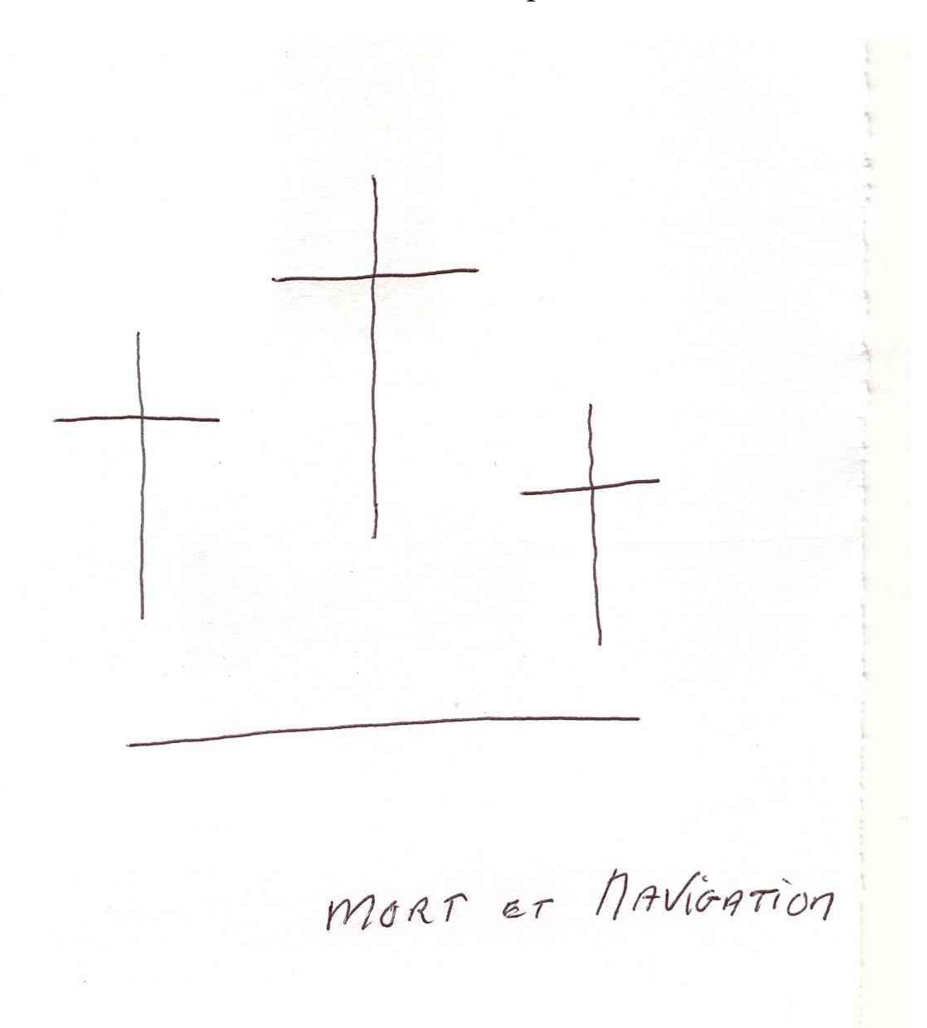
Карта мира

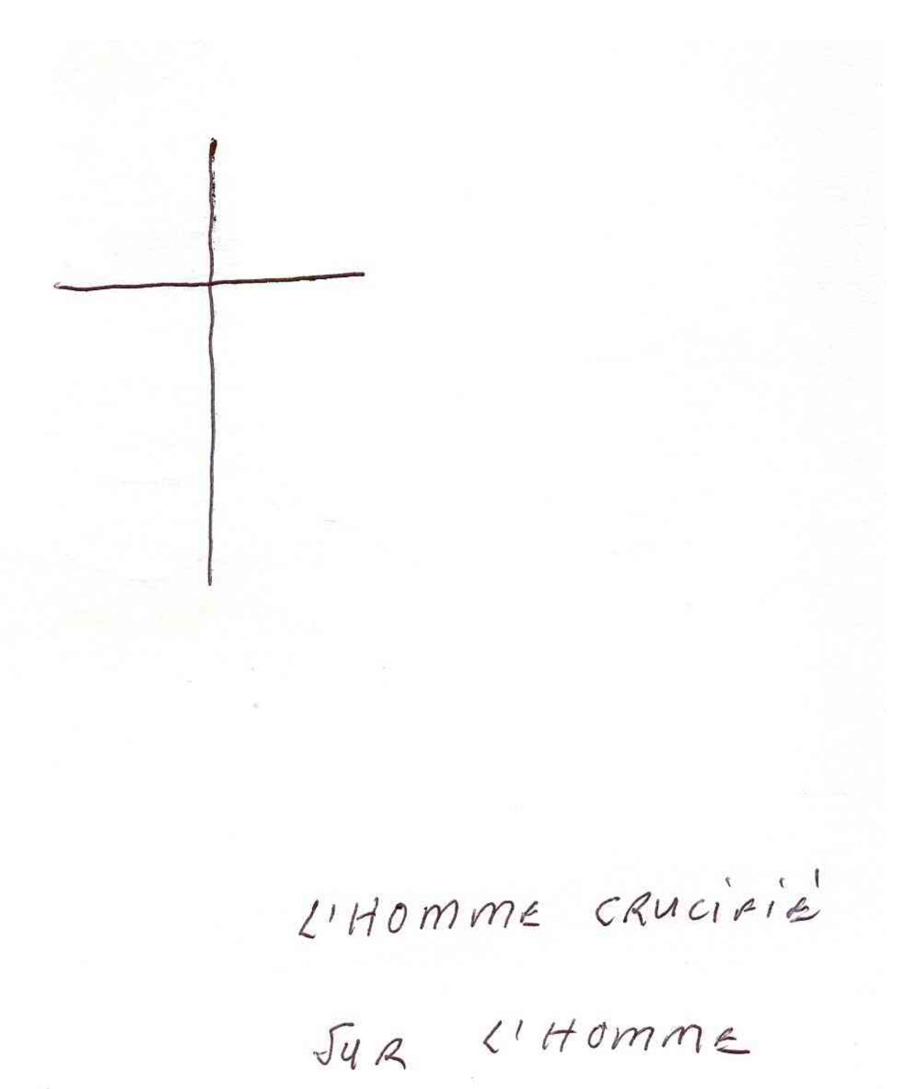
UNE CARTE

DU MONDE

Смерть и плавание

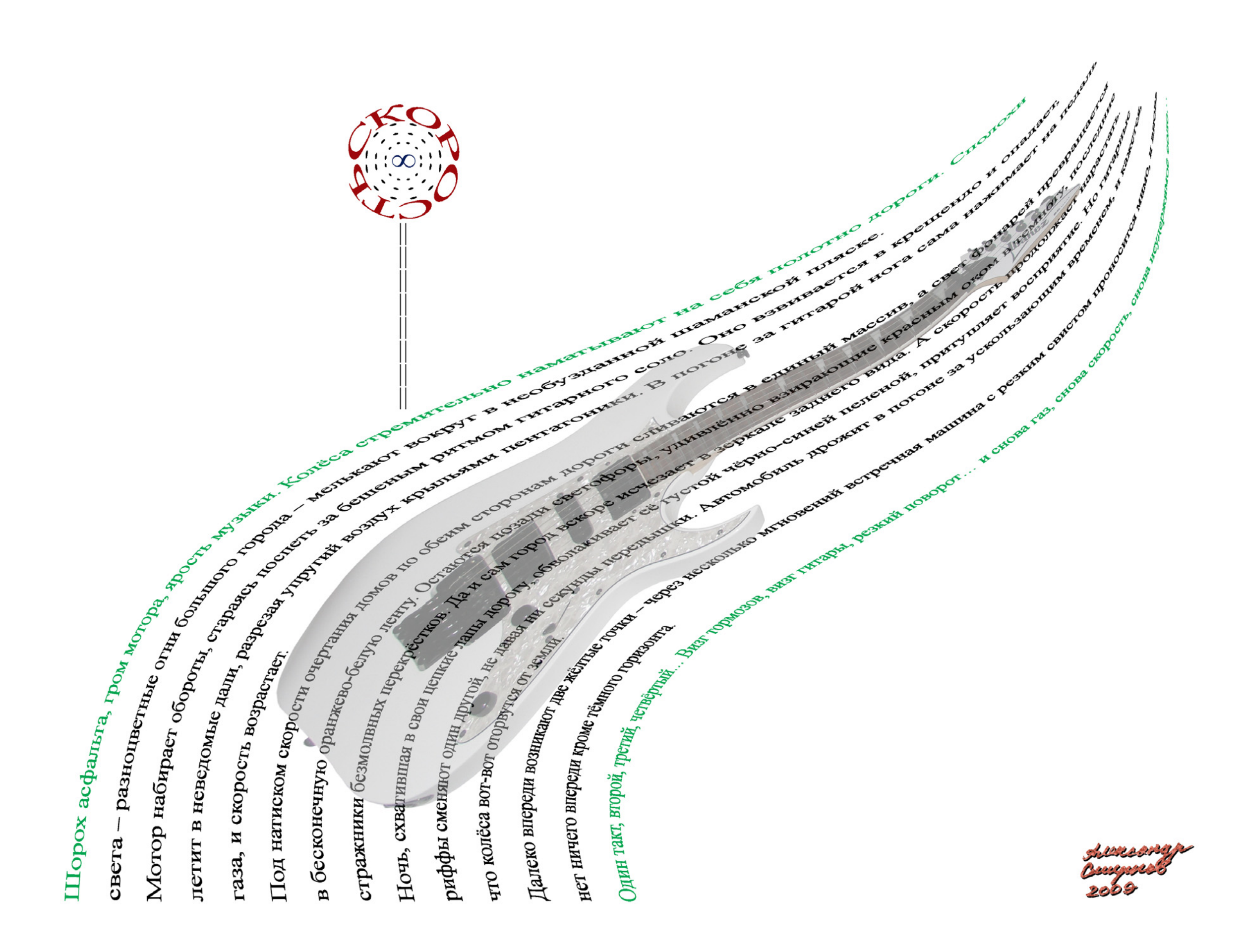

Человек распятый на человеке

Александр СМИРНОВ
Alexandr Smirnov

скорость

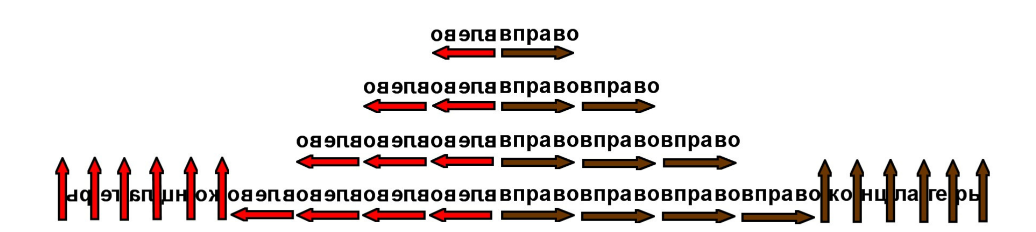

бутерброды /глобализация/

БУТЕР БРОД для сша	БУТЕР БРОД для германии	БУТЕР БРОД для японии
БУТЕР БРОД для оаэ	БУТЕР БРОД для австралии	БУ ЕР БРОД для венгрии
БУ Р БРОД для юар	Б Р БРОД для китая	Б Р БРОД для россии
Б БРОД для индии	Р БРОД для мексики	БРОД для египта
БР Д для перу	Б Д для камбоджи	Д для ирака
Б для гаити	для зимбабве	для бирмы

Евгений Мауль

влево вправо

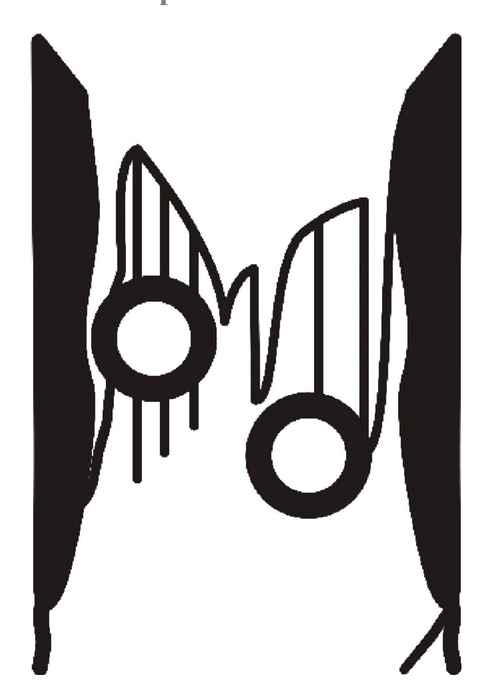

влево вправо

влево вправо
влевовлево вправовправо
влевовлевовлево вправовправовправо
влевовлевовлевовлево вправовправовправовправо
влевовлевовлевовлевоконцлагерь вправовправовправовправоконцлагерь

Валерий ГАЛЕЧЬЯН
Valerij Galechjan

йога патанджали

ФотоБуквоЛогика

Александр В. БУБНОВ
Alexandr V. Bubnov

БУКВОЛОГИЧЕСКИЕ ФОТОЭКЗЕРСИСЫ или ФотоБуквоЛогика

(автоэпиграф)

Рамкой* поэт отсекает**
лишние буквы как скульптор.
Антикомбинаторика
литерологики культа.

04.04.09

*варианты:
дланью,
пальцем,
вещью,
смело,
ловко
и т.п.

**варианты:
заслоняет,
убирает,
отдаляет
и т.п.

Краткое определение и обоснование (теоретический манифест) фотобуквологики и фотозаслонок

Фотобуквологика (фотолитерологика) (термины мои. – А.Б.) – фотографический форможанр визуопоэзии, использующий приёмы пантограммы (омограммы), (фото)палиндромии (отражений), (фото)логогрифа и т.п. характерных техник и приёмов литерологики, сопряжённых со спецификой фотографии (не высвечиваются неоновые буквы, отрываются или загораживаются буквы, используется выкадровка и т.п.).

Сюда же примыкает (фото)литерология (мой термин. – А.Б.) как специфический раздел филологии.

Заслонка (заслонки), заслоночка (заслоночки), заслонялка (заслонялки), заслонялочка (заслонялочки), фотозаслонка (фотозаслонки), фотозаслоночка (фотозаслоночки), фотозаслонялка (фотозаслонялки), фотозаслонялочка (фотозаслонялочки) (термины мои, на выбор. – А.Б.)) – один из видов графического логогрифа (фотологогрифа); логогрифическая форма литерологики (комбинаторной поэтики, «комбинаторики»), в основе которой (в отличие от «стиралочки») лежит (фото)фиксация изображения, когда "стирание" букв и/или их элементов происходит путём заслонения (загораживания) букв различными естественными и/или искусственными методами (столбами, деревьями, руками и т.п.) с целью видоизменения изначального текста.

ЗаикалОЧКИ, стиралОЧКИ - «очковые» формы литерологики (комбинаторики). Сюда же относятся и заслонялОЧКИ.

Фотозаслонялочка (фотозаслонка) как форма визуальной поэзии, в отличие от фотостиралочки, имеет, как термин, гораздо бОльшее визуопоэтическое (фотопоэтическое) обоснование, поскольку собственно «заслонка» и задаёт объём, расположившись между глазом наблюдателя (объективом фотоаппарата) и изначальным текстом.

Понятно, что при съёмке на видео во всех соответствующих терминах части «фото-» меняются соответственно на «видео-», «визуо-», «кино-»: видеолитерологика, кинологогриф и т.п.

Естественно предположить, что философия фотозаслонок не терпит фотоколлажа или фотомонтажа.

Продолжение следует: разработка теории и практики фотобуквологики продолжается.

Если захотите прокомментировать какое-либо фото,
просим сюда: http://fotki.yandex.ru/users/al-drbubnov/album/62484/

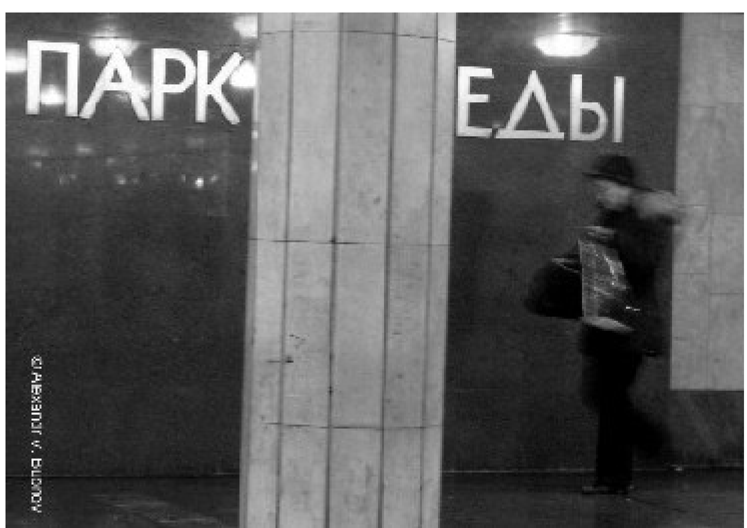
ВЛАДИМИР – ЛАД И МИР (логогрифическая фотопантограмма)

ЛИЗА не пришла... (фотозаслонка)

МОДА АДОМ? (фотопалиндром)

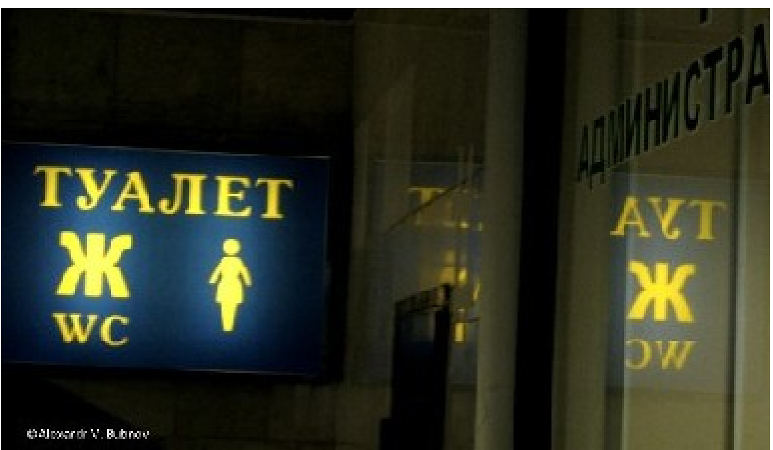
ПАРК ЕДЫ (фотологогриф)

РАЙ НА ЗЕМЛЕ (фотозаслонка)

Новый Слоган: сервис-запчасти-сало! (фотологогриф)

ТУАЛЕТ – ТЕЛ АУТ или АД МИНИСТРА – ТЕЛ АУТ (фотопалиндром-пантограмма)

ЧТО ЗА «ФейнЯ»??? (фотологогриф)

МАТЕРИ (тест на ударение) (фотологогриф)

ЧЕШУ Я (фотопантограмма)

АРХИВ ДП

ТИХОН ЧУРИЛИН

О Тихоне Чурилине даже специалисты по литературе Серебряного века знают, по большей части, что это был поэт, которого Марина Цветаева считала гениальным и называла своим учителем. Что же еще входит в расхожий набор «знаний» о поэте Тихоне Чурилине? Пожалуй, лишь то, что, по воспоминаниям Лили Брик, его стихотворение «Конец Кикапу» любил скандировать Маяковский.

Между тем Тихон Чурилин – один из последних значительных поэтов первой половины XX века. Всем ходом жизни, никогда не бывшей справедливой к пиитам, и причудливостью советской литературной действительности Чурилин вытеснен в область мифов и легенд. Впрочем, в нашей стране homo legens (человеку читающему), десятилетиями существовавшему вне мирового культурного контекста, приходилось довольствоваться исключительно «духовной жвачкой» (вместо стихотворений в печать попадали сплетни и слухи об их создателях), – особенно если подавалось меню, главные блюда которого составляла поэзия русского авангарда. Велимир Хлебников – «безумный визионер» и «поэт для поэтов»; Алексей Крученых – «бука русской литературы» и изобретатель «дыр-бул-щила»; Давид Бурлюк – полутораглазый «отец русского футуризма» в цилиндре и с лорнетом…

Тихон Васильевич Чурилин родился 5 (17 – н. ст.) мая 1885 года в городе Лебедянь Тамбовской (ныне Липецкой) области. «Читать с 4-х лет, писать с 7-ми лет, влюбляться с 3-х лет. Гимназия: с 9-ти лет. Любимое в ней: книги, русский язык, потом рисование», – сообщал поэт о себе[1]. Эта же архивная единица хранения дает нам много другой интересной информации. Мы узнаем, что с 9-ти лет маленький Тихон прислуживал в церкви, в 13 лет впервые познал женщину, в 17 лет получил первую политическую ориентировку («социалисты-революционеры, Каляев, Спиридонова, Савинков, Шлиссельбуржцы, Народная воля»). Затем Чурилин знакомит нас со своими пристрастиями в области поэзии и литературы: «Дюма, Андерсен, Пушкин (проза), Лермонтов (стихи), Золя, Достоевский, де Фог (так! – *А. М.*), Чехов, Гончаров, Гоголь, Лесков» [2].

Первые свои корреспонденции Тихон напечатал в 1897 году в губернских «Ведомостях» Тамбова.

Первые стихи поэт написал в 1904 году. В это же время он впервые женился. О его избраннице известно лишь то, что ее звали Зоя, и ей была посвящена поэма Чурилина «Кроткий катарсис»[3].

Первая поэтическая публикация – стихотворение «Мотивы» – состоялась в 1908 году – в выпусках «Ежемесячных литературных и популярных приложений» к журналу «Нива».

О своей матери Чурилин сообщает следующее: «Мать – Александра Васильевна Ламакина, купеческая дочь г. Ефремова, Тульской губ. – дала особое чувство (чувствительность) к музыке и ритму, слову (музыкальный абсолютный слух, любовь к чтению с 4 лет)»[4]. Далее он пишет об отце и отчиме: «Отец – еврей, провизор, наделил большой физической сопротивляемостью и стойкостью. Был усыновлен, как родившийся под его кровом, Лебедянским купцом Василием Ивановичем Чурилиным, мужем матери»[5].

---

[1] Биографо-Производственная Анкета Т. В. Чурилина (Тихона Тицнера) // РГАЛИ. Ф.1222. Оп.1. Ед. хр. 4. Л. 2.

[2] Там же. Ед. хр. 4. Л. 2.

[3] Альманах муз. 1916. С. 183.

[4] Автобиографическая справка // РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1. Памяти А. В. Ламакиной (1857—1894) Чурилин посвятил книгу «Весна после смерти». В неизданном романе «Тяпкатань» он вывел мать под именем Волександры Чудилиной.

[5] Там же. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 1. Александр Тицнер, отец Чурилина, тоже фигурирует в «Тяпкатани» в качестве аптекаря Волександра Кицнера.

Учился Тихон «сначала в пансионе Довгань, в Лебедяни, затем в местной прогимназии»[6]. Неизвестно в точности, окончил ли Чурилин гимназический курс, поскольку сам он «путается в показаниях», давая противоречивую информацию в мемуарах и автобиографиях. Так или иначе, в 1904 году, поссорившись с отчимом, Тихон Васильевич покидает Лебедянь. Сначала он едет в Саратов[7], где живет около года, после чего перебирается в Москву. В сентябре 1907 года Чурилин поступает вольнослушателем на экономическое отделение Московского коммерческого института. По его собственному утверждению, в 1905—1906 годах, он успел поучиться (возможно, посещал лекции в качестве вольнослушателя) и в Московском университете: сначала на медицинском, а потом на филологическом факультетах.

В 1908 году, опасаясь преследований царской полиции, Чурилин уезжает в Европу. Вскоре после возвращения он попадает в московскую Преображенскую больницу с диагнозом «мания преследования»[8].

В 1912—1913 годах, после выхода из больницы, Чурилин, возобновляя старые знакомства, отправляет свои рукописи А. Блоку и В. Брюсову, знакомится с авангардными художниками и поэтами: М. Ларионовым, Н. Гончаровой, А. Крученых, В. Хлебниковым. В 1915 году в издательстве «Альциона» выходит первая его поэтическая книга «Весна после смерти» (с гравюрами Н. Гончаровой). Книгу заметили. Появились рецензии В. Ходасевича, Б. Садовского, С. Вермеля и др. Но автору показалось, что только Николай Гумилев нашел самые нужные и точные слова. Гумилев писал, что Чурилин «связан с Андреем Белым и – отдаленнее – с кубофутуристами <…>. Тема его – это человек, вплотную подошедший к сумасшествию, иногда даже сумасшедший <…> в его стихах есть строгая логика безумия и подлинно бредовые образы»[9].

В материальном и бытовом отношениях в жизни поэта мало что изменилось. Как прежде, до больницы, после выхода книги он продолжает нуждаться, скитается, не имея собственного угла, ночует, где придется, болеет туберкулезом. Но это время было для Чурилина весьма насыщенным в творческом плане. Только в 1916 году он публикует свои произведения (стихи, фрагменты прозы, поэтические переводы с татарского языка) в «Гюлистане», «Московских мастерах», «Альманахе муз».

В марте этого года состоялась и его знакомство с сестрами Цветаевыми. Он влюбляется в старшую сестру, Марину. Завязывается короткий, но бурный роман, находящий выход и выплеск в импульсивных нервных стихах, которые Марина Ивановна и Тихон Васильевич посвящает друг другу.[10]

---

[6] Там же. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 2. В Лебедянскую мужскую прогимназию, где в одно время с ним учился и будущий писатель Евгений Замятин, Чурилин поступил в 1894 году.

[7] «Революционная работа началась в 1904 г. в Саратове, куда уехал от Чурилина, порвав с ним, после окончания гимназии»: Автобиографическая справка // РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 2.

[8] «В 1908 году – отъезд полупобег в Швейцарию (Лозанна), Берлин, Париж <…> в 1909 году возвращение в Россию. Вызов в охранку. Оскорбление жандармского офицера. Помещен в психиатрич<ескую> лечебницу. Голодовка. С 1910-1912 гг. насильств<енное> питание (зонд). В 1912 выписка, освобождение, прекращ<ение> дела, прекращение голодовки»: Биографо-Производственная Анкета Т. В. Чурилина (Тихона Тицнера) // РГАЛИ. Ф.1222. Оп.1. Ед. хр. 4. Л. 2.

[9] Аполлон. 1915. № 10.

[10] Более подробно о взаимоотношениях Цветаевой и Чурилна см.: Саакянц А.А. Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс/А.А.Саакянц. – М.: Центрполиграф, 2000. – 825 с.: ил.- Из содерж.: О Чурилине Т. – С. 89-91; Цветаева М. Неизданное, сводные тетради /М.Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1997. – 640 с.- Из содерж.: [Чурилин Т.]. – С. 349, 436, 592, 593.

В мае этого года Чурилин уезжает в Крым. Здесь он встречает свою будущую жену – Б. Корвин-Каменскую[11]. Хранящаяся в архиве «Книжка на получение обмундирования и жалования солдата 12 роты, 2 взвода, 1 отделения Чурилина Т. В.»[12] дает указание на то, что, видимо, именно в Крыму Чурилин был мобилизован в армию, где служил всего несколько месяцев, до октября.

Осенью 1917 года он прибывает в Евпаторию. Здесь, на «Вечере стихов и прозы», устроенном в здании женской прогимназии, Тихон выступает с чтением своих стихов, текстов В. Каменского, В. Хлебникова, Д. Бурлюка, Н. Асеева, С. Парнок, М. Кузмина, О. Мандельштама, Б. Лившица, И. Северянина и других поэтов и писателей.

Весну-осень 1918 года поэт проводит в Харькове, где знакомится с Григорием Петниковым. Вероятно, именно здесь Велимир Хлебников сделал Чурилина одним из «Председателей Земного Шара».

На протяжении поздней весны и лета 1920 года, т. е. еще при белогвардейцах[13], Чурилин, Бронислава Корвин-Каменская и Лев Аренс, – «натуралист широкого профиля», как он сам себя называл, и поэт-любитель, приехавший в Крым из Петербурга, – организовали в Симферополе и Евпатории несколько «Вечеров поэзии будущего», в программу которых входили доклады Аренса «Слово о полку будетлянском» (молодая поэзия будущего), П. Новицкого «Пафос поэзии будущего», выступление профессора А. А. Смирнова, показ работ Корвин-Каменской, служивших своеобразными иллюстрациями к стихам, чтение произведений В. Хлебникова, Г. Петникова, Т. Чурилина, Божидара, Н. Асеева, Б. Пастернака, В. Каменского. Помимо этого, 14 августа 1920 г. «молодыми окраинными мозгопашцами»[14], как они себя называли, был организован «Вечер творчества Т. Чурилина» со «Словом о творчестве Чурилина» Л. Аренса, «живописными примерами» Б. Корвин-Каменской и стихами Чурилина в исполнении С. Прегель, Л. Аренса, О. Мобрай и самого Тихона Васильевича[15].

«Крымское братство» положило начало дружбе и многолетней переписке между Чурилиным, его женой, Петниковым и Аренсами (Львом и его супругой Саррой). «Вторая книга стихов» была выпущена – одновременно с повестью «Конец Кикапу», в 1918 году, – Григорием Петниковым в организованном им, Николаем Асеевым и Божидаром харьковском издательстве «Лирень»[16]. Петникову же и посвящен этот небольшой поэтический сборник, состоящий всего лишь из 14-ти стихотворений, входящих в неопубликованную книгу под названием «Льву – барс»[17]. Одноименное стихотворение, открывающее эту книгу, посвящено Льву Аренсу, посвятившему, в свою очередь, Тихону Чурилину статью «Слово о полку Будетлянском»[18].

В 1920 году, после целой серии выступлений на поэтических вечерах, Тихон Чурилин вдруг заявил, что «окончательно и бесповоротно решил отказаться от писания стихов и беллетристики и перейти целиком на газетную, журнальную и литературоведческую работу. И я

---

[11] Корвин-Каменская Бронислава Иосифовна (? – 1945) – супруга и соратница Тихона Чурилина; художница, ученица К. Коровина. Ей посвящены книги Чурилина «Конец Кикапу» (1918; повесть вышла в ее оформлении) и «Стихи Тихона Чурилина» (1940).

[12] РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр.1.

[13] Советская власть в Крыму окончательно установилась только к ноябрю 1920 года с приходом большевиков - войск Южного Фронта под командованием Михаила Фрунзе.

[14] См. манифест МОМ – воззвание «Молодых Окраинных Мозгопашцев» (то есть Т. Чурилина, Б. Корвин-Каменской и Льва Аренса), 1920 г. (рукопись): РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 1-2.

[15] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 10. См. также: *Крусанов А.* Русский авангард. Т. 2. Кн. 2. М., 2003. С. 275.

[16] В выходных данных книг, выпущенных «Лирнем», значатся либо Москва, либо Петербург (Петроград), хотя в действительности все они печатались в Харькове.

[17] См.: РНБ. Ф. 1294. Ед. хр. 15; РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 22.

[18] Впервые опубликована в: *Теория и практика «Игры в аду»* (К 80-летию русского авангарда) // Сумерки. 1990. № 10+1. С. 15-28 (перепеч.: *Хлебниковские чтения*. СПб., 1991. С. 138-150; публ. Е. Аренса, примеч. А. Мирзаева). Авторизованный машинописный экземпляр другой статьи Аренса, «Хлебников – основатель будетлян», напечатанной в журнале «Книга и революция», 1922, № 9-10 (21-22), датированный 11.XI.1922, так же имел посвящение «Т. В. Чурилину», которое впоследствии было по каким-то причинам снято.

не писал стихов с 1920 г. По 1931 – т. е. 12 лет»[19]. Он ведет активную общественную и агитационную деятельность, пишет критические статьи, руководит литературными секциями и кружками.

В конце 1922 года Чурилин возвращается в Москву, сближается с Н. Асеевым, Б. Пастернаком и О. Бриком, знакомится с В. Маяковским. В 1927 году обострившаяся психическая болезнь вновь приводит его на больничную койку. Около четырех лет он проводит в московской Донской больнице.

Первая его публикация после 12-летнего поэтического молчания – переработки фольклора народов СССР. Песни Чурилина публикует «Литературная газета». Подборка чурилинских текстов сопровождается восторженно-сочувственной статьей Николая Асеева[20].

В это время Тихон Чурилин создает книгу «Жар-жизнь», в которую вошли тексты 1931–1932 годов. Дело доходит до того, что «Жар-жизнь» принимают к печати в издательстве «Советская литература», но Главлит ее не пропускает. Идет дальнейшая борьба за книгу. Появляются положительные рецензии на нее О. Брика и П. Новицкого, оставшиеся неизданными, но сохранившиеся в фонде Чурилина в РГАЛИ.

Несмотря на помощь друзей и соратников, обращение в различные инстанции и «обработку» властей предержащих, заканчивается эта история с «пробиванием» книги тем, что уже готовый набор рассыпают и «Жар-жизнь» окончательно «замораживают».

Поэт продолжает делать одну за другой отчаянные попытки доказать свою «нужность» и «полезность» советской литературе. Он едет в фольклорные экспедиции в Адыгею (результат поездки – создание одноименной пьесы) и Архангельскую область; начинает работу, продолжавшуюся до последних дней, над своей главной книгой – романом «Тяпкатань». Вступление в 1934 году в Союз писателей, в целом, не дает особых преимуществ и не открывает широких возможностей. Правда, хотя это одна лишь видимость, временно налаживаются отношения с издательствами. И через два года «Жар-жизнь» вновь вставляют в план «Советского писателя». Все эти перипетии на улучшении материального положения поэта никак не сказываются.

В 1940 году с большим трудом удается довести до печати книгу избранных стихов[21], составленную, в основном, из стихов 1930-х годов; во многом компромиссную, в которой от прежнего Чурилина почти ничего не осталось. К тому же сборник этот до широкого читателя не дошел. Сохранилось всего лишь несколько экземпляров.

А в октябре 1945 года случилось несчастье: умерла жена, самый преданный друг и соратник – Бронислава Корвин-Каменская. Состояние самого Чурилина становится все тяжелее. Он впадает в глубокую депрессию, надвигается рецидив психической болезни. Вскоре его забирают в московскую больницу имени Ганнушкина. Организм его истощен, полностью отсутствует жировой слой. Поэт замкнут, необщителен, «высказывает бредовые идеи»[22]. 28 февраля 1946 года Тихон Васильевич умирает. 2 марта его прах был сожжен в Донском крематории. «На этом факте окончательно стираются его посмертные следы»[23].

Книги Тихона Чурилина ни разу не переиздавались. До сих пор остается неопубликованной бóльшая часть литературного наследия Тихона Васильевича: роман «Тяпкатань»; книга о Циолковском «Гражданин Вселенной»; поэма в прозе «Из детства далечайшего», повести «Последнее посещение», «Тайна», «Агатовый Ага»; «Последний визит», «Здорово, Цезари!» и др. пьесы; книга стихов «Жар-Жизнь», мемуары, статьи, письма, очерки и многое, многое другое.

Арсен Мирзаев

[19] «Маяковский. О встрече в порядке сообщения». – РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Л. 1-9.

[20] *Асеев Н.* Песни Тихона Чурилина // Литературная газета. 1932. № 15 (184), 29 марта.

[21] Стихи Тихона Чурилина. М.: Советский писатель, 1940.

[22] См.: Яковлева Н. А. О смерти Тихона Чурилина // НЛО. 1996. № 19. С. 194—196. См. также ее публикацию воспоминаний поэта: Т. В. Чурилин. Встречи на моей дороге (вступ. ст., публ. и комм. Н. Яковлевой) // Лица: Биографический альманах. 10. – СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. С. 408—494.

[23] Яковлева Н. А. О смерти Тихона Чурилина // Там же. С. 195.

Тихон ЧУРИЛИН
Tikhon Churilin

СТИХИ И ПРОЗА 1912 – 1920

Предночь один

Грызовой звук – и зноя знаки ина́че.
В ночи́ и дым медовый и русская трусь.
С трубой о бое небо = инок без ризы зряче
Через бор и робь стучит –
отопрусь ли….

С листьями лодь и дол.
Леденится скукой голубой куколь.
И старый деревянный идол
Бредет среди дерьма кукол.

Руки и тело
Летают в покое.
О койка и стены
По кола́м и канда́лам поколе?!

15./28/ - VII – 920 г.
Ночь.

Поветрие мора

И дош и марш и гром-моровая пора
Хворь лета телегою гей! по древней округе.
И кругом жа́ро желтее – пыло: пора!
А робко теснится толпа о лоб упругий

По́лдня – полдня´.
И донял тебя, толпа, потолка колпак голубой,
Оглохла земля, серый пол дня.
– И мотает Моро над всем с середины, седой головой.

1920 г.

К спаду ада

– Просты´ни! И безтеньныя нити денныя,
Канаты жары и раж жировой жирщецов
О цок птиц и тики листьев льдяные
В неть пропадут – и в утварь горы над щекой.

  Щеко́тно и в новой овее
  О вере ревет ветер подзе́мь.
Ездок доконает цок-цок и совсем к сове
Ей, ночь, подъедет, подседет.

  Четырех мироточных сердец
  Очедивших прохладу от схлама
  Не печалит вечный серп-жнец.
  И целуют листья и лани.

И звери в резвый взрыв-миг,
В холод луны-семьи.

17.30 – VII – 920.

Оутро трезвое

Десная сед садится о ствол
И вол левой весёлой скрипит.
Топи, потоп, седой стол.
Лотос и снег – оутра скреп видно.

  И золото худое тонет.
  И топнет свет ногой о негу.
  Меловидная инея синяя стонет.
  Пошел леший пней гуд.

    — Оутро
    Трубит тебе
    Зевс или Свет – гу̀тор
    Листа и старых ветвей – вей о тепле.

19 18 31/VII.20

Обручения круг
мучеников

I

И обручъ об руку указъ на казнь.
А зной – на зиму и мỳку мука.
У каждого жажда простая, – Икар, знай:
Растоп воску! и броско на камни.

На камение! о меня
Разбрызгаешься частями.
И стянутся новые сугробы, обменять
Век на час с костями.

А двое
Овеют веером зóрю.
Ад воет
Из недр деревянного горя.

Август 1918 г.

/Обручение/
(бай о небытье)

II.

Раисе Б. Н.

В вечер и речи и речки
И óздух вошли и липы и ели.
В уме ли дети? Сияния старúчки.
Без год и мы: в меду лепо летали.

Мед! дымок самоварий промок в хохотỳ
И охотно сладило диво в сотỳ.
Отуманивал ладан холода
Только детей – низоту.

Яввилась.
Вилась и лилась хоховитая лента.
Лед и ты. Но яво о всех билось –
Звон золотыыыых рублей там.

Мати! не ты ли и дева (липа) сладкия длани.
Жено! О нéжи, нежи неживую остлань!

И оутро в утробе лебедя: лёд.
И свет весенний строится: лёт.
И тело и лето, о лепо: смех!
И тино и тéни и нете: смерть.

Обручаемся о, рубли золотые,
Идем на гору̀ – на гроба.
О, бай боя, бед – и твои святые
Лежат тяжело в своих коробах.

Ушли. И в уши уж мудрый
Вползает золотым оутром.

19-20.23/V А. 4/VIII.
Утро у Льва

III – Морское.

Еринне

Полундра! А, рдяная глыбо!!!
И бог и губа бытия.
Смирилось – и в серья и русья хлыби
Текут иззвездныя пития.

Быт я. И мужняя дево до вен
Никакого ни вздоха ни хода.
И тихий озев-овен
Исходит из морского находа.

Ручей, одопад, ад освежая
Жадно поит вслух,
И худо и счастья вещая.

А руки украду к веслу
Дымят – и дой земли
Пояй, дево – внемли.

19.20 *30/VII – 12/VIII.*
Евпатория.

Ро́вни – сравни

Брониславе

Диакон конный – на конь!
И белый столб о солнце остроен!
Неороённый крик киркой не о кон
Стучит: текуще ты в мозг встроен.

Вы с Тройкою нашей
Лесные, иснидите звери.
И рев веревок над чащей –
Над морем – на с**у**дне, как
сверен.

А просто – на минарете монах
Оутром поет хвалу.
Улови, о видь: она,

Лань, мелькнула в ха-
лупу.

А просто: лев и барс
С работой в когтях и взоре.
Жуют – голубые хлеба
С гор сверкая на море!

5-6-17.12 VIII 920.

/ **Источник:** РО РНБ. Ф. 1294. Ед. хр. 15 // **Чурилин Т. В.** «Стихи и проза. 1912 – 1920. Стихотворные и прозаические произведения. 1908 – 1921 гг. Автографы и машинопись. (174 листа) (тетрадь) /

Агатовый Ага

Прямо пред дворцом держит кущу свою Мустафá усладительный. Чудоуслада – черный кофе его; куща – кромешна: словно обожжена, обуглена в углах; ладный балкон почернел тоже, темный и тихий – но томно и нежно нежиться нежитям жадным до тутошных утех в зное золотом полдня, в урне уроннопрекрасной позднего вечера, в лике лунной зеленозолотобледной неживой ночи.

Прямо перед дворцом и пред кущей – в средине ближе к дворцу, держится диво – словно странный агатовый сфинкс. Узкия уши торчком, черная низкая шерсть – и в глазах залегла мра-а-ачная гордая ночь, впрочем и ко всей той агатовой груде видная вовсе не тайно – а явно, ярчайше, несмотря на ея тронную тьму – видная всем.

Лежит и лежит, льнет льдом своим черным и гордым к земле – глаза же в кущу упорно устремлены – ночь посылают в полдне, в вечере, в лунной тихоликующей ночи.

Прямо перед кущей усладительной Мустафы, как слышали Вы, – дворец, древних Ханов Хаосских ныне, также Куща и Сень, руинная днесь в наших днях. Ныне пингвины истововозлюбили бывать там, мести мраморнокаменную пыль перьями хвостов и тел, нести быль пингвинную свою в сень и тень редких Руин. И площадь прежняя пустая, невольников торг – ныне сад, где тени и призраки ив, где плесканье фонтанов – тихоневнятная сага, серебристый сказ про рай и эдем древне дивных дней.

Прямо против мечети, Меча Божьей веры в единого, устремленной минаретом вверх, – скамья в саду светится белым длинным телом своим. Светится в солнце – жарко, в полдень и день; мáрко, мáрой зеленой отливает белизну свою в лике луны, вечер и ночь.

И еще агатом обрадуется глаз: на скамье той в теневой стороне стены Меча, – Божьей Мечети – яснооблеченная в солнце, тихая, яркотемная, видна дева. Древняя риза – одежда: черная; бледно-агатовые глаза – огромны: златоагат; и бледный лик испепелён солнцем: от него то, окрываясь тенью, сторонится странная дева – Нигродéа.

Прямо идя по единой большой дороге, единой улице большой Града Садов, свернется сам путно путь белокаменный влево. Вверх, вверх до вершинки гористой, каменными пупками покрытой предивно; там направо, вперёд – и стоп: дверь двуполовинная краснобурая есть, ждет. Вот.

Когда со звонкоголосым звоном звукнет ключ, обернувшись в щели своей раз – отворится дверь – и вот дворик облитый солнцем – днем, улитый луной – в ночь. Низкий сам, еще ниже ступени – лесенка лезет еще ниже – и вверх ведет, на крышу, коронно, – другая – и так и не знаешь куда потечет путь: вверх ли, вниз…

Влево белой прямоугольной палаткой ласковый явится взору домик. Дверь – белая, прямая, простая; в окне белорамном радостно завиднеются беловесёлыя стены, веселая весенняя снеговая пустота. Это – днем – утром, в полдень и дальше – в зрелый наставший день.

Вечер – иное: зимнеснежный, сияет в зеленозолотобледной луне, мертвый дом. Снежнобелыя стены пустыя впустят в окно взор – и прильнет он, навеки погрузившись в снега – пустота и хлад, мертвость,тишь – и тени еле дрожат видейно, как белыя мыши в мертвом море луны.

В пустоте белой стен, во весенневёсёлом сияньи денном снегов, в ночном неживом лунном свету, снегах странных светлейшого полнолуния – ясно и ярко чернеет третий агат, черный бархат женской единственной шубки.

Ни диванов по стенам, упругих, цветных, ценнотюркских; ни персидских прекрасностаринных платков; ни вещей – только черный агат гаснет в дивносредней светотени сумерок – утра и ночи; только черная ясно и ярко чеканит чернь свою в светлопылающем дне, в светлобледных снегах лунной ночи, – единственно – узкая шубка. Три трона, агатовых строго: собака, дева и шубка. Три роком поставленных трона-агата – Агату, черноогненному где то Аге.

Ах, Ага, агатобледный еще, - говорят о тебе понемногу везде: в куще Мустафы Усладительного, в придворном саду, на базаре и в банях, Ханских когда то…. В короннокараимской (теперь бедной) белой семье возрастала велико средь сестер Эстер. Черной богиней была средь семьи – мила матери, не по росту сестрицам – велика и строга – ; вся в черном, чуть в белом (глава, иногда). И в главе главным кладом – чистым чудом, дивом, – древние были глаза. Древнезлатоагат, бледный. Не летний, но ленный прескорбным пленением – ожиданием ада.

Ад есть смерть без надейного ожидания. Ад есть смерть без весны после смерти.

И недовольна именем истоводревним своим. Древняя все таки и теперь, оставалась Эстер. Невольно никла к имени иному, дальнему мило, немертво, воскрешено – Нинекен-джан…. джаным…. ханум султан… улещал слух шопот шелковый именно этого имени. И вслух уши других принимали плеск имени этого: подруги, сестры, мать:… как понимать. Внимайте, милыя, милому прошлому, прежде – прекрасно. Ведь весна после смерти есть рай – так взыграй же сааз – аз есмь жизнь, Возкрешение, – все то же, немного – нежноиначе поныне.

Град Садов порядком своим подчинен не Гирею – гиря другая – понизу – повисла теперь: полицмейстер попросту. У него и то диво, агатовый сфинкс предворцовый, – примечательный пес, совершенно необыкновенный слуга, странная черная чудособака.

Статутеобразен, суров был Боган полицмейстерский – никому не погладить, стороннему, пса: страшо-о-н, строг, горд он; и только Эстер клала ласково длань на жосткочерную шерсть – да другая, хозяйка агатовой шубки узкой, оставшейся средь стен стеннобелых на странном дворе – художница, исчезнувший в вечер всесильно весенний – навечно.

Ныне осень опять пятой темной – дождем – давнула долго – днями дождь длинный падал – как из ада зноем, запахло сыростью и хладом хаосским из дверей дворца – и с крыльца дворика странного стариннотурецкого до дверей калитки, словно улитки серыя ползли, текли и прятались капли: цапли белесоватые – марные минареты – прятались в бест бедовый, в небо остывшее – осени осенившей голубую глубь лета.

Поэты, воспевшие миф истовый Нинекенджан жаркой, Сулеймана алого приготовтесь! принесите саазы Ваши к дверям дворца, к дворика двери, к белому входу крыльца – и колокольцами и переливами и бубнами струн руну и сагу скажите снова – да напомнит!

Осени осы – дождей лучи – жужжит тихогулко в улочках узких – как струны Саза алого единого длиннопрямого – Бога Сааза единого дивного; –летописец письма лиет под пение Ваше – сова же, – солнце осени – слепо смотрит сверху серотемным оком своим в день – в Вашу тень погружайтесь, поэты – и я, летописец на ме́ди и кро́ви, суровей, странней погружусь, поспущусь в Вашу тень – день ледянолетний Эстер растворю в иной – знойной действительнолетней прелестной теми́. Вот в осени окна, открытыя предфинальным фаем темносерым, темноседым, – днесь дивное вновь кажется лето. Лиет лучи солнце жаркое, желтозолотое; полдень полон вновь кейфом, неколышащимся, непоколебимым нисколько, – и в куще услодительной Мустафы вновь важныя видятся в углах темныя фигуры – а на ладном балконе кон кейфовый держат другие, двое: полицмейстер и поп.

В углах глаз угли глаз матовые, тонкие тел тополя и темныя, уютныя в кейфе грузы́ фигур. И молчание, мед и щербет небесный покоя, покоит их зноем. На ладном балконе бай ленивоболтливый властителей новой поры – а дары то всеобщи и полдень один – и кейф окрывает великоедино всех, всех: убаюкает бая слова – и замолкнут медово новее люди – дета лень захолонет и вас, в добрый час.

Лениво болтают, властители, тихо – пожалуй их аложирные лики экраны пока попустому: ничто и кой как. Но среди середин никчемушных нет-нет да и мельком мелькнет и толкнет их замерзшее сердце слово о том, что пока еще наибезвреднейший бред, азиатская алая финть, финтифлюшка, фантазия-ха-ха-ха – фффиить!!

Это толк об Аге, (агатово-бледном еще) – это ток постепенный, точащий точащий давно уж сребристопростыя сердца (азиатов, арийцы!) – это бледная тьма растекается ныне, откуда

притекшая, что – и куда? Поговаривают в варе исходного лета, лепо льнут к сладким краям чашечек кейфного кофе, а слух колыхнула волна – крик резко появившийся, взлетевший вблизи и упавший вдаль, вновь ------о-о-ооо!... Не мигнули ни уголья глаз по углам матовеющих немо, также тихи и тёмны тел тополя по углам, ладен балкон – да и кон кейфный кофе на нем попивающих власти держателей двух – не встревожен в покое: (эка случай случился! Теллалка сегодняшний вести орёт) – мед тепла и покоя попрежнему сладкообъявши силён и отраден: осанна…. Но странно: в притоке воздушном вновь крик пятерится… слова протекают слы́шны и си́льны… да, теллал… чтож такого в сем странного ныне?..

И ныне и присно странное есть, было, будет. Страны странного есть, будут, были. Были серебристопенныя – страны странного – и слова восклицающей груди, гортани теллаловой – странны. Осияны страною странного, былью серебристопенною – но в них бледная, бледноагатовая пока – тьма. Слушайте, люди, льните, внимая, – теки, теллал.

… – а-а-а… э-эджене-е… бир… эфенди́… лди… скии-и!!!

Ээ… ади-и-ир… эйле-еее!!. ееее….

И уже́ у́же уголья матовые глаз; тоньше тень тополей – тел: странное есть. И жарко розовый жир истовый ныне и присно лицам властей – стеннобел – мел: побледнел – странное тут. Кейф качнулся, утлый уже́, зыбью гиблою, рыбой резко встревожась в водах полдня покойного (бывше покойного, ныне); оазис всхоло́нут, – холод…

И сильнее слова, сильнее слышны, все до дна. Быль пришла, стран странного быль. И лунная пыль – бледноагатовая – покрывает вар лета последней поры: всех, вся. Слушайте полно, полно чуждаться, – да, есть странное – тут: Эдженебир – бир – эфенди́ – гелди́ – эски; ----- вэ-на-ди́р-шейлэр-вэ-кара́-таш – сацы́н!!!.

Сарацын страшный? – нет; сын Гирея реет ныне в пустыне сей, светлой пока? – нет; ни-ни-ни – дни другие, драгие, дрожат ало, сребристопенно, местоименно: ОН.

– Господин иностранный (чтож странного? Сие здесь – посегдашне)… ПОКУПАЕТ СТАРИННЫЯ ВЕЩИ / чтож странного? рыщут, ищут везде иностранцы старья/ – и ч е р н ы е к а м н и…..

Ах, Ага агатовобледный пока, – неужели желанные слухи – слуги твои – воплотились во плоть? и милоть черноогненную скоро порфирой (о, пир!) возложишь на лоно своё, на ложе любви возведешь, изберешь драгоценную деву (Ниградэ́у!) – и кровь в черноогненный кров твой – в тело твое, бледное ныне – сберешь изо всех; в снег все тела́ твои обратишь – в бледнозлатоагат омертвевший, побледневший смертельно?.... Свирельно струитесь слова: голова показалась странного стран, что и поныне чудес летопи́сь – быт и бледная бытова быль – брррысь!!!

И се: будто обыкновенна венная кровь в крове людском – в теле (на деле – бледнее: сердцу виднее сей страх). Будто обыкновенная собака, полицмейстерский пес придворцовый (он новый – бледнее весьма: сердцу собаки виднее сей страх).

И в быте, в били пыльнопингвинной будто бы обыкновенна дева одетая в древне одежду: черную ризу, с очами – златоагатом (поята, почата и дева – довлеет цвет белый днева: бледней, снежней и она – сердцу воочию чуем сей страх).

И третий трон, – вот он, невидимый всем: се, и в солнце, во дню, – в ночи, при луне – бледнеет в домике белом черный бархат бедной единственной женственноузкой шубки.

Начало́сь! чело побледнело, избранников, радостнотающих (и возлетающих!): – д е в ы, ж и в о т н о г о, в е щ и. Свечи, агатовогасните медленно – кровь в кров твой теки – теллал прокричал!

– О, скандал вандальский! – мало-мальски последить, идолы, эфиопы холопские, чертовы жиржецы́ неспособны, негодны: заболел зло Боган, га, побледнел, – мел белый у бедного сквозь волос жосткий, сквозь жир истовопенный постепенно, как пена, как пепел, стал объявляться, проклятье!..

Лязгает зубом бурно о зуб в беде полицмейстер, хозяин; зябко от гнева спине, зябко и зи́мне; – и гимна не слушает он, в граммофоне с шиком и шипом машинногремящого слабую славу (играет, играет…) – и се, умирает покой повседневный, безгневный послеобеденный… а бедный Боган, га, бледноагат светит вечеру чёрному осени страшным мелом: меною цвета, агата, всегдашнего дара природы своей, свойств присущих лишь ей.

Дней наступающих павшая бледность не быстро беги; дней приближающих смертная бледность – лёд лунный Ага – черную кровь береги; в ней тихотающих тайная верность – участь и урна троих.

– В руках Твоих! Их милость – мед и щербет небесный – чудес Десницы Твоей, Властитель, сладостно ждём – охрани раннюю реку, кровь девы дщеры Твоей – ей, молю: лиется новое горе – паче снега нежная кожа ея – но и волосы нóвы – бледнее… бледнеем и мы с ней, о горе – гаснет глаз агат золотой – Тору прибьём, принесём, светлосеребря́нную рдяно, Тебе, ----- помоги сей страшной странной бледной судьбе!!!.

Бег бед – бегл: молитва сия, крик ринувшийся сильно – об Эстер – тернии семье: семь дней тает агат дивный девы: глаз, ласковой кожи, волос. Словно мороз, иней дивий пал на сад златоагатовый – тело и главу девы. И одежды бледнеют совместно (чудесно!) – словно солнце черное (Нигер Ра!) собирает мрачный свой свет изо всей из нея – с каждого дня медленновластную дань. В Иордане, в Иордане, да, в купель медленно погружайся жаркая Ниградэа. Где, где, где воскреснешь белоослепительно пирно? Мир крóви роскошной, златоагату гаснущему ныне для нового черного солнца: в кров его кровь твоя. Бег бед – бегл: день блед, час, миг – для троих… Их, им. Мир жертвенной жатвы – без клятвы тихотающих тайная верность. Безмерность мест – не медь, не сталь, ни злато и сребь – редкая роскошь, черный цвет: гаснет гордый общеагат.. ---- Аге, господину, дивному где то ныне не бледному Солнцу.

--- Ключ – тю,, – тю!, – а моль подлая подлинно портит ласковый бархат барской художницы. Дошлые тоже! – на год откупили, купцы, помещенье – ключ тю-тю, взять – нельзя – пропадает товар – утешенье!...

В оконце при солнце видно обиду хозяйскому глазу: бело – проказа на бархате черном, единой средь стен яркобелых – узкой агатовой шубки. Весь, весь, весь усеян светлосеребрянной мертвенной пылью агатовый бархат. А в луне узкая шубка – иная: иней иной покрывает сладостночерный агат. Гаснет, гаснет, гаснет сладостно медленно черное узкое поле – о, бледней днем, белоиней – ней в светлоликующей лунной ночú.

О, чьи черные силы сильно кóпят свой кон, черноогненный ныне? Чья кровь во кров прибывает полнее (бледнее, бледнее бывые-дивы-агаты́) и когда повстречаемся с нею.. сольемся ли в кон, соберемся ли в хор? и мы побледнеем úнейно? úно? во власть господина, черноогненного где то Аги…

Как золото утренней зги светят льдом лона три бывшие трона-агата: блед-пес, блед-дево, блед-риза. Все ниже, всё ниже их тьма – тихо гаснет сама – и Новая Тронная Тьма едино, дивно, сверкнет черно-огненным солнцем своим – да погаснут агаты навеки: вещь, человек и собака; да погаснут в с е ч е р н и е к а м н и – все в кровный кров соберется собором и хором: в черноогненнокровный тот кон.

Суров, странен случился иностранец, прибывший в сень Града Садов (– о новом сем госте гортань так громко кричала, теллалова, вспомните повесть) – никуда и не кажет себя, взаперти тих и нем, - таен неласковый гость, горд чтоль, дик, – дивно и то: ночью несут к нему черные камни, какие случились начисто, – ночью и смотрит их; потом раннеутром в узкий ящик кладет он точную плату, у двери, – и верьте: число принесенное камней канет в Лету –так необычно, не быльно; – и Крезовски кроет каприз свой: в с е ч е р н ы е к а м н и к у п и т ь, иностранец, странно-сокрытый, и гордый чтоль, гость.

А молва волны свои, тихогулкия, узкия ныне в пустыне, катит и катит – не хватит и сердца слушать их молньеносную молвь.

Гол уж слух – вбирается в уши и в очи, короче слова: голова показалась странного стран, все боле и боле и боле черноогненно солнечен круг – Утро странного, страшного, славного дивова древлепоследнего дня.

Вот оно очное – Солнце: в оконце горницы, где гость поселился, видели дивное диво хитрыя ивы – женщины жаднолюбопытныя оком и сердцем своим, женственноузким нерусским, а тюркотатарским, понятно.

Внятно ли всем. И ещé нé заглянувшим в устье сей горницы гордой, видение утро-агата, внятного нáвек преддня?

--- Горой рой бывшечёрных камней в ней как снег прекрасно блистает, но снег посеревший жемчужный, – ненужный еще, страстнóй снег… У всех, се, имевших отобраное тронночерные камни, добром, добровольно; невольно – но волею вышнею (нижнею!) – все сюда снесены они, черные старые камни, —— се, из них черная кровь истекла – вид серожемчужный стекла; --- слава свершенному сну – возвращается счáстливо кровь черная в кров немногобледный еще, в лоно своё; – слава свершенному сну-рунý рун ýрнных, саг страшных – Руну Черного Солнца, сверкнувшего Урной уже, почти всем.

Но хозяина (зябкого, видно, пока не свершится вершина в горнице нет – тихоблистающий темный жемчужный утренний свет показал и сказал: нет никого – камни в Кане, небрачной пока, Галилейской – одни; о, страстные сильные дни!.. Но дни – днями, а часы земли золотой, восторг и веселье, – краткие, кроткие, беглые, буйные – стройно текут; так же свадьб алыя воды стройно бурлят, струнно текут; так же свадьб алыя воды стройно бурлят, струнно текут; медленно мёд источая, лучи золотые – солнца – текут; медленно бледную медь источая, лучи золотые – луны – переплавляются в редкую сребрь; вечный вепрь – жаркожелание – в алых лесах, ах, дремучих! мучает страстное сердце свое, – и вдвоём соединяя, себя и подругу, - царственным цугом вселяется в мир; колеблется мир: мӥро мира – и тихогремящая ярколазурная лира, и буйногремящая яркая желтая лира поет и гремит миру и граду, в награду и муку, навеки – червонные, желтые, белые, смуглые люди, смертные ввек человеки!

Навеки, навеки, на вехи твои, о век золотой, взгляд простой полагаю: ты мудрость, ты чудо покоя, ты тронно тяжелая (о невеселая!..) желтозеленая вся неспиленная Хвоя – Восток и Восход, тюрков уют, царство татар, медленносладостный голого полдня солнечный златопожар, сладостноалый твой жар!

Хор твой! с гор ликующий звон? стон ли серебряно-чистый лиющийся флейт, бубна бой, дудок гуд – к худу ль? – волнующий, мечущий медь, сеть тонкую звонкостелющий звуков своих, срывов, боев, гиков – великий, волнующий грустный и хмельновеселый, голый как полдень, чудесночервонный твой чал!

Чал! Чудо! Чудь – чернь и чермнь! о, орфестр сей, Орфейский, индейский ль, персидский ль (старинно-татарский и тюркский, конечно) – и хмельный всехаос, наверно навечный, в сердцах и ду́шах бушующий днесь – хлесь, хлесссь, хлессссь!!! – по телу и сердцу – душе хорошей!!!

Наверху ли гора – и под ней низкий, узкий, таинственно-маленький двор – заговор там таится – и снится всеха́ос и – груди вздымайтесь, сжимайтесь сердца – до конца, до венца: --- грянет, гикнет, гокнет, зальется – и в бездну бесовски сорвется чудесный червоннопечальный и все началящий чал! Чал алый, червонный! – вопль твой, весенневесёлый и диковеликий что ль вой, – ой да и плясок лязг под тебя, под звук золотой, медный, серебреннорьянный, пеннопьяный гордых хоров твоих, – помним их, стук ног под яростнодружный всех вздох --- воздрогло и ропщет роем видений, радений нездешнее сердце – и чертят персты знаки плясок --- се, ты: стуки ног, метры ветров, дыханий хайл медных труб, фиалов флейт, дуда дудок, визговерховьев тончайших, мельчайших, в тым–тыме взвивающих сладостномелкий струй-струн.

О, яростноюн се, плясун, – тополем стройным; топают сладостнолегкия ноги – и хитры дороги, чаще все чала дремучая чаща; – в ней снежные вихри, – град роз несмотря на мороз; – о будто босы и белы смелыя страстночастящия ноги – о будто ужас до смерти буйных минут гонит знойно, вертит вихрь, венчает счастьем частящего алого чала: – то сама непонятная, яркая жизнеприятная сладкая лань-хайтарма!!!

Сладко! – но, ах, там палки взлетели наверх, над головами, руки недвижные сами, вцепляются в тонкие над головами нависшие трости --- новые гроздья (ох, тронностаринные козни!) --- зо́лоты как мед, в полудне как медь --- над нами, о сон --- это он, пьяный полем средь коз, буен, беден и бос, дикодержавен и рьян, черный нагорный чабан[24].

---

[24] Здесь заканчивается отрывок, начинающийся словами «Навеки, навеки, на вехи твои, о век золотой…». С подзаголовком «Отрывок о чале» он был напечатан сборнике «Помощь» (Июль 1992 г. № 1. С. 15. Издание Крым – Ц. К. Помгола. Симферополь). Отрывок датировался в сборнике так: «1915—17 гг. Бахчисарай—Москва». После даты были помещены авторские примечания к этому тексту. Приводим их здесь полностью.

1) *Ага – господин, знатное чиновное лицо.*

2) *Чал – татарский оркестр из своеобразнейших инструментов: зурна, даул, кавал; скрипок, флейт и кларнетов. Чалом также называется самое действо, музыка, игра. Игроки чала – цыгане-татары. Лучший чал был в Бахчисарае под управлением дирижера и композитора скрипача Ашира (ныне умершего от голода). Ашир был всероссийски известен и записан на граммофонных пластинках.*

3) *Тым-тым – написано для скрипки. Автор поразительнейшего и своеобразнейшего тым-тым’а – Ашир.*

4) *Хайтарма – татарск. танец.*

5) *Чабан-авасы – танец горного пастуха с палкой.*

А стан старой песни – стон ее, звон и воня грусти негрузной, тонкой, топкой… Холопкой перед ней --- незвучней нескорбней, --- новая песнь, – лесть ей пингвинов сосущих сущие вина – но инок теперь, легши легче под стопудовую дверь --- таится и длится и мнится там тихотаинственной, драгоединственной истово, старая царственно песнь.
Не болезнь – лепая грусть в устье, в лоне голоса, – в утре звука. Мука ли утро сребристое? быстроречистое в хоре в хоре с гор птиц, в лепете лельном эльфовых лиц, в клекоте утреннеславословящем слов гордых горных орлов.
И не грузна и не грязна -- светлогрозна в гроздьях виноградных радостнослово, – устная, в устье звука прелестная песнь. Темный лик, томный великий восток, глядится в льдистоединую воду – охом да эхом, эх, разливается ладан ливанский – и ручьи радостновоскресшие, врезавшись в реку журчат чаще, слаще, кращще, – и и льются и льются и буйно быстротекут в вóдах и вóлнах полных звуком и словом, прелестного грустнонебесного сладконестройного хора…
В соборе серебрянном редкостно слиты две разныя реки, русская грустная песнь, тюрко-татарский скорбноцарственный бай. Алый ааай (край райскиспокойный!). – и оооой, да ой, вздох дошлый по березе, по морозу грозному кручинночервонная, звонами званная песнь. Весть веснь, --- в осень; озимь --- ó земь, все в степь ледяно-лунную, многострунную в звуках своих, что обоим им – лоно; лунь – лёд --- сладостноскорбный им мёд; медь месяца --- кровь над кровом суровым и тоска и грусть и печать --- чала ль, угарно бойких ли в бае гармоник, буйноструйный ль лай балалаек --- опора им в древнем извечном, тяжкотечном нечеловеческом горе.
Собор: се – бор древний, дремучий, скрыпучепротяжный, темнолюбезнейших песен на крылосе храмова крина, монахов церковного клира.
Собор: се – хор горный, рей нá минарета вершине в вечерней остывшей пустыне – дикий, великий, простой – пой подымающих песен – чудесней невесней во мгле – вверх, выше гор, голоса горный сей взор, дивный воззыв ко Алле!!!.
Теплей и теплей, любей, голубей, – голубой день достигает к оконцу темно суконному ночи – и очи свои открывает в крыше алой широкой новое солнце – и слава Аллаху – день яркий, пятница-приятносян, в яслях своих голубых рано; с утра; -- здравствуй радостно алое А, здравствуй радостнопразднично брак твой со днем, светлоогнем яркое Ра!
К порядку, пора, --- и на небе с Ор спали слезы – и блестки блестят их на травах черножелтоогненных осени; бросила спать на земле, из нор темных (светлых во двор) сор полетел; бел и чист узкий как уж тротуар – и пар благостный благостных вод – к чаю и кофе – высоко над кофейнями реет; добрее язык, клокочет охотней гортань; длань ласковей жмется к лицу, к узким глазам: Сезам отворился истовоясного дня (Иордань дня началась).. а-а-а-а… ля… муэдзин зык свой очно и ясно подъял: да, день долгожданный настал.
О да и ал встал малый в часе своем, в доме своем сем, ранний день: солнце – как в лете щедро и лепо горит; риза дня, голубая – жарка; весел верх, нежно небо – на земле же щедра дань насущного хлеба – леп день, лепо лето; – ликуй же урной своей золотой – солнца – земля, радуйся всякая тля; длят для дня стекла острые осени ныне блещущий редкий и светлый свой свет – и ликуй и ликуй (может быть напослед!) весело, счастливо, ясно, - нижний и низкий сей свет…………………………………………………………….
………………………………………………………………………………………..……………………
………………………………………………………………

--о-о-о-о-о-оОо-о-о-о-о-о—

1917 г.

/**Источник:** РО РНБ. Ф. 1294. Ед. хр. 15. С. 105—116/

Публикатор: Арсен Мирзаев

В этом же номере «Помощи» (С. 6) опубликовано и стихотворение Т. Ч. «Печальный чал».

ИНО-СТРАННОЕ

Maristella Bonomo

Узнавать тебя в линиях берега
линиях ладоней
распознать тебя
в говоре волн
тайну их и постоянное
опрокидывание.

Эхо разлитое над телом
ночь
пятна открывают следы.
Ты есть.
Я продолжаю тени наших
восходов.

Голос это бесшумная вода
она рассеивается
прежде чем считаешь с губ
где ты я
тебя теряю
в беззвучных шагах.

Миг изменчивости
твоего лица
начинается здесь
между пальцами
его невыразимый
и пустой след
присутствие спора
в начале и в конце
когда ничто
кажется, случилось.

Тебе я связала историю
тонкую и голубую
непреодолимую до того места, где
поднимается
черная ветка дороги:
чтобы догнать тебя
нет никакого повода.
И узнать тебя.

Я не хочу возвращаться
если не обратно в сон
ты идешь
меня бросаешь
внутри моего имени
есть тело
ты это говоришь
и исчезаешь
моя судьба
приснившаяся твоей.

Ты не видишь, что мои руки зондируют
пустоту,
что в моих руках пустота
кожа
беззащитная против взора
в пропасть
хрупкое согласие
это в столкновении быть краем, несогласием.

Перевела с итальянского
Татьяна Радкевич

Иван ГОЛЕВ

* * *

Что-то мне хотелось купить на базаре,
чтоб его погладить, чтоб его пожарить.

Всюду узнавал я — где достать мне это?
на каком прилавке? и в какую цену?

Лишь пожмут плечами, не тая усмешки,
скажут: эй, смотрите, что за черт нашелся!

Не ходи ты дальше, и не много стоит:
баклажан возьми вот, да еще котенка.

Глупый, я заплакал — о бордюр споткнулся
и прыжком, как жаба, - дома очутился.

Словно новобранец — из-под стрижки глянул:
вот — глаза сухие, а в кармане — слезы.

* * *

Для него она ангел небесный,
теленок ласковый,
верная псина, машина
                        и поросенок
и аромат пшеницы прошлогодней
и той пшеницы,
            которую он засеет в пятницу...
Для нее он и ветер, и мгла,
красная рыба и
                огромная глупость,
чучело и бумажный змей одновременно
и многое другое...

Кто же они — кто знает
не обманывают ли они друг друга иногда —
бывает и так и эдак —

а по морю плывут синие шляпы.

НЕБОСКРЕБ

Внутри меня неудержимо растет
                                    небоскреб.
Я ощутил его присутствие, когда мне было четыре с половиной,
прочитав впервые алфавит.
С тех пор беспрерывно прислушиваюсь к его нарастанию.
Этаж за этажом поднимается его самостояние.

Окно за окном открываются его знания.
Я счастлив – я знаю,
что в нем будут жить красивые и
веселые люди.
Стан его выдержит землетрясения в 20 баллов.
На крыше его будет аэродром
для межзвездных кораблей.
А в почтовых ящиках
высидят птенцов ласточки.

Но знаю и то, что для своей устойчивости
он черпает кальций из моих костей.
И чтобы выйти наружу,
пробьется через мой череп.

Перевела с болгарского
Ольга Петрова

ЖАР-ПТИЦА

Как хорошо,
что на плечо твое села жар-птица!
Беседуете с ней, как друзья.
Ты ей рассказываешь о служебных успехах
о личной жизни твоей и планах.
Она — тебе о чудесах небесных,
о темно-зеленых смоковниц одеждах,
о новой колеснице солнца.

Долго ваша беседа длится
и не видно ночи.
Уж и звезды к речке бегут купаться.

Хорошо в самом деле.
Но лишь однажды.
И если возможно — в пятницу,
в 17.30,
в новогодье.

Перевели с болгарского
Ольга Петрова и Сергей Бирюков

УЧИТЕСЬ ХУДОГИ!

Михаил ЕВЗЛИН
Mikhail Evzlin

Сад Гесперид и визуальная поэзия Пьера Гарнье

*(Pierre Garnier. Le feu et la pomme: Ève et Prométhée.
Ediciones del Hebreo Errante, Saisseval-Madrid 2009)*

Краткая биографическая справка: Пьер Гарнье родился в Амьене (Пиккардия) 9 января 1928 года. Изучал германскую филологию в унивеситетах Сорбонны, Фрайбурга и Майнца. Преподавал немецкий язык в лицее в Амьене. Был связан некоторое время с сюрреалистической группой Арагона, Эльзы Триоле и Элюара, с которой порвал в 1955 году, подписав письмо в защиту свободы творчества, которая этими литераторами-филокоммунистами отрицалась.

В эти годы публикует свои первые поэтические сборники: *Les armes de la terre* (1954), *La Nuit est prisonnière des étoiles* (1958) y *Seconde géographie* (1959).

В 1962 году публикует *Manifeste pour une poésie nouvelle, visuelle et phonique,* в 1968 – *Spatialisme et poésie concrete*, в которых обозначает принципы новой экспериментальной поэзии.

Литературная продукция Пьера Гарнье необычайно обширна и разнообразна. Кроме нескольких десятков поэтических сборников, в том числе на пиккардийском диалекте, он опубликовал многочисленные эссе, переводы с немецкого и даже роман.

В настоящее время Пьер, вместе со своей женой Ильзой, живет в маленькой деревушке Saisseval недалеко от Амьена, в старинном доме с двумя каменными львами при входе. Сад с другой стороны дома, с высокими соснами, напоминает монастырский дворик, в котором, сидя на каменной скамье, прислушивается к таинственным голосам птиц abbé Pierre.

В прошлом году пиккардийцы отмечали 80-летие Пьера Гарнье, своего национального и самого универсального поэта, устраивая в его честь, выставки, симпозиумы и публикуя его книги.

Соединение двух мифологических персонажей, Евы и Прометея, в книге визуальных стихотворений Пьера Гарнье, принадлежащих к двум различным и даже по видимости противостоящим традициям, семитской и индоевропейской, может показаться странным. И тем не менее сближение этих двух мифов, имеющих общей темой *похищение запретной субстанции*, совсем не случайно, если посмотреть на них с семиотической стороны.

Прометей похищает у богов огонь и становится создателем технической цивилизации, основанной на огне. Но это – лишь поздняя интерпретация древнего мифа, который передает Гесиод в *Теогонии*. Версия Гесиода очень отличается от той, которую сообщает сам Прометей в знаменитой трагедии Эсхила, представляя себя героем-бунтарем, каким он никогда не был.

Но кем был Прометей в действительности? Мифологическая реальность столь же реальна (а может быть, еще более), как и историческая. Миф лежит в основании истории, является *моделью мира*, в согласии с которой строится человеческое существование на всех уровнях. Если мы читаем *текст Гесиода*, а не поздние версии, когда древний миф сделался непонятным, перед нами выступает довольно зловещий персонаж, который обманывает Верховного бога и похищает огонь для демонов, борящихся против богов-устроителей мира. Об этой злой сущности похищения огня говорит великий латинский поэт:

Audax omnia perpeti
    gens humana ruit per uetitum nefas;
audax Iapeti genus
ignem fraude mala gentibus intulit;
    post ignem aetheria domo

subductum macies et noua febrium
    terris incubuit cohors
semotique prius tarda necessitas
    leti corripuit gradum.

Дерзко рвется изведать все
  Род людской и грешит, став на запретный путь:
Сын Иапета дерзостный
  Злой обман совершив, людям огонь принес;
После кражи огня с небес,
  Вслед чахотка и с ней новых болезней полк
Вдруг на землю напал, и вот
  Смерти день роковой, прежде медлительный,
Стал с тех пор ускорять свой шаг.

(Horat. Od. I, iii, 25-33: пер. Н. С. Гинцбурга)

Из греческого текста Гесиода следует со всей возможной очевидностью, что Прометей похищает не просто материальный огонь, а *pyròs ménos* (силу огня), т. е. субстанцию, которая трансформировала огонь в *неустанный* (*acamátoio*) огонь-пожиратель. Огонь был священным в индоевропейской ритуальной традиции, и поэтому становился страшной деструктивной силой, когда он профанировался.

Греческий миф выходит из ритуальной традиции, в которой разыгрывался сюжет о похищении запретной субстанции и следствиях этого похищения. Первое похищение всегда происходит *in illo tempore*, т. е. в безвременное время, *dreamtime*, как говорят австралийские аборигены. Сон указывает на *объективное* состояние мира, не нашедшего еще своей окончательной формы – как временной, так и пространственной. И как раз именно похищение, происшедшее *до времени*, стоит у начала времени, настоящего мирового и человеческого состояния.

В мифе, передаваемом Гесиодом, по видимости говорится о людях (*ánthrōpoi*). Но эти *ánthrōpoi* не есть люди в "нормальном" значении. В *Трудах и днях* Гесиод сообщает другую версию мифа о Прометее, которая только частично совпадает с включенной в *Теогонию*. Миф о Прометее служит здесь введением в сказание о пяти человеческих поколениях. Эти поколения, хотя именуются *ánthrōpoi*, радикально отличаются друг от друга.

Люди, для которых Прометей похищает огонь, являются исключительно мужчинами. Они испытывают *удивление* (*thaŷma*) при виде девы, созданной богами (Th. 589). Это означает, что эти люди прежде никогда не видели женщины. Это их качество, мужское и бесполое, сближает их с Титанами, более того, заставляет думать о субстанциональном тождестве между одними и другими. Согласно *греческому тексту* Гесиода, Титаны являются мужской и безличной группой изначальных существ, противостоящей сыновьям Геи и Урана, т. е. первым двенадцати богам. Гесиод никогда не говорит о Титанах, в отличие от богов, в единственном числе, а всегда во множественном мужского рода, а также не называет их по именам, подчеркивая таким образом их безличный характер. Эти общие черты *ánthropoi* и Титанов позволяют предположить, что похищенный Прометеем огонь предназначался для Титанов, а не для человеческих существ, имеющих разделение на мужчин и женщин.

Титаны-*ánthrōpoi* стали обладателями огненной субстанции, сделавшей их неуязвимыми. Но неуязвимость этих "людей" зависела от их моносексуальности, потеряв которую, они потеряли бы также выгоду *pyròs ménos* (*силы огня*), похищенного Прометеем. Дева, созданная богами, чтобы лишить людей-титанов *выгоды огня*, вносит в них *сексуальность*, которая их ослабляет, делает смертными человеческими существами: *Женщин губительный род от нее на земле происходит* (Th. 591: пер. В. В. Вересаева). И не только женщин род происходит от девы Пандоры, но и весь человеческий род в своем настоящем виде.

Женщина в качестве носительницы сексуальности есть причина смерти. В этом пункте греческий миф обнаруживает свое тождество с библейским сказанием о падении первых людей. В этом последнем также похищается запретная субстанция, которая приносит людям не бессмертие, а смерть. Но люди уже обладали бессмертием. И в самом деле, змей обещает людям не бессмертие, а знание добра и зла, которое сделало бы их, как Бог. Но быть, как Бог, значит быть бессмертным, как Бог, заменить собой Бога. Не в этом ли состояла цель Прометея, принесшего огонь Титанам?

При всех различиях между этими двумя мифами, греческим и библейским, остается неизменной *архетипическая схема*: с одного места в другое переносится запретная субстанция, что приводит к катастрофическим результатам как для похитителя, так и для всех тех, кто желал получить выгоду от ее похищения. В греческом мифе следствием похищения становится создание девы и потеря людьми неуязвимости. В библейском сказании, хотя женщина и присутствует, но ее сексуальное качество, как и мужчины, становится явным только после похищения плода: «И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги» (Быт 3, 7).

Различие между женщиной и мужчиной, женским и мужским, было абстрактым и иллюзорным, и только после похищения стало конкретным и реальным, но также смертным. Таким образом, *le feu et la pomme* (*огонь и яблоко*), похищенные изначальными существами, лежат в основании настоящего мира с пространством и временем, исчезающими в бесконечности небытия.

Какое отношение имеют эти темные *le feu et la pomme* к солнечным формам визуальной поэзии Пьера Гарнье? Это отношение становится прозрачным также при посредстве мифа. На этот раз речь идет о мифе, в котором рассказывается о том, как Геракл должен был принести по приказу Эврисфея золотые яблоки из сада Гесперид. Проходя через Кавказкие горы, Геракл «застрелил из лука орла, клевавшего печень у Прометея», который посоветовал ему, «чтобы он сам не отправлялся за яблоками, а, взяв на плечи небесный свод, послал за ними Атланта» (Apoll. Bibl. II, 5, 11: пер. В. Г. Боруховича).

Эта деталь весьма значительна, хотя, по всей видимости, не принадлежала к основному ядру мифа (если таковое вообще существовало). У Гесиода говорится только: *Сыном могучим Алкмены прекраснолодыжной, Гераклом, / Был тот орел умерщвлен* (Th. 526-527). У Аполлодора Геракл должен принести яблоки в замещение двух других подвигов, которые царь Эврисфей отказался ему признать. Как мог знать Прометей, каким образом можно взять яблоки? Он знает, потому что похитил огонь в том же самом саду Гесперид, и яблоки есть *золотые*, потому что они заключают в себе *огонь*. На это первоначальное качество огня как *содержимого священного плода*, как кажется, намекает способ похищения огня: *Неутомимый огонь он украл, издалека заметный, / Спрятавши в нартексе полом* (Th. 566-567).

Аналогичным образом связываются между собой яблоко Евы и огонь Прометея. Они похищают *субстанцию*, которая в силу этого профанируется и становится опасной. И как следствие этой профанации Прометей приковывается к скале, т. е. иммобилизуется, и хтонический орел, порождение Тифона и Ехидны, выедает его печень, которая содержит огненную субстанцию, а люди, впитавшие ее в себя, изгоняются из *сада земных наслаждений*. Было бы точней сказать, что сад, как на триптихе Босха, превращается в населенную чудовищами землю, которая воспламеняется в ночи времен. Тьма, насыщенная элементами, вышедшеми из яблока Евы, как бы взрывается: дар Прометея, превратившегося в змея.

Аполлодор заключает свой рассказ: «Принеся яблоки в Микены, Геракл отдал их Эврисфею, а тот в свою очередь подарил их Гераклу. Взяв эти яблоки от Геракла, Афина вновь унесла их обратно: было бы нечестием, если бы эти яблоки находились в другом месте» (Bibl. II, 5, 11).

Как от огня, так и от яблок, которые принес Геракл, никто не может иметь выгоду, даже богиня, и поэтому она возвращает их на место, где они хранились от начала времен. И в самом деле, «Гея подарила их Зевсу, когда тот женился на Гере» (Bibl. II, 5, 11). Золотые яблоки символизировали равновесие и сотрудничество между противоположными началами – небесным и хтоническим, мужским и женским. Похищение золотых яблок нарушило с трудом достигнутую богами гармонию, открыв мир разрушительным стихиям хаоса.

Сад Гесперид был также садом совершенных форм, в который никакое нечистое существо не могло войти: его нечистота сразу превращалась в стоголового дракона-стража. В этом пункте *миф о саде* начинает эманировать *мораль*: человек не должен владеть тем, что ему не принадлежит, как Ева и Прометей, а возвратить дар Земли, как Геракл, и сам создавать небесные формы. В этом – сущность *poesie spatiale* Пьера Гарнье, в которой темный горящий *pomme* становится совершенной солнечной формой, пробуждающей бесчисленные значения, которые не сковывают, как *les pommes de feu*, а освобождают созерцающего их.

Татьяна Бонч-Осмоловская
Tatiana Bounch-Osmolovskaya

Переосмысление героики романтизма в ранних верлибрах Германа Лукомникова

В некоторых своих ранних стихотворениях Лукомников обращает внимание на романтическую героику, размышляя над значением поэзии и ролью поэта сегодня. В нашей работе рассматриваются некоторые верлибры Лукомникова, написанные в основном в начале 90-х годов как перифраз популярных строк. Лукомников вглядывается в пафосные концепции, усвоенные и клишированные массовым российским сознанием – исторического романтизма, оттепельной гражданственности и личного противостояния социуму, сводя трагическую интонацию к бытовой, парадоксальной, инфантильной. Результатом становится обретение автором собственного выразительного языка, как образного, так и стилистического.

Лукомников осмысливает романтическую традицию, начиная с ее ранних проявлений в русской литературе. В следующем тексте воспроизводятся начальные строки хрестоматийного стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Сов. писатель. Ленингр. Отд., 1989. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1989. С. 83-84). У Лермонтова величие и гармония природы, проявленная в первых строках его текста и являющаяся отражением Божественной гармонии, контрастирует с внутренним состоянием его лирического героя. Лукомников ограничивается только двумя строками, оформляя их в три строки в стиле хокку:

выхожу один я на дорогу
сквозь туман
кремнистый путь блестит (1992)
(http://lukomnikov-1.livejournal.com/619428.html)

Тем самым автор изменяет метрическое строение стихотворения: если исходное стихотворение написано пятистопным хореем, с пиррихиями на первой стопе, то в получившемся минималистском тексте инерция метра разрушается, стихи становятся неравносложными, рифма отсутствует.

Развитие сюжета происходит в три этапа, как принято в японской поэзии: герой появляется в мире; этот мир ему неясен; герой находит путь. Этот путь и труден («кремнист»), но он светел («блестит»), лирический герой одновременно и движется («выхожу») по нему, причем находится в начале пути, и неподвижен: нет изменения положения героя, нет оценки возможности завершить путь, путь по определению бесконечен. Таким образом, простейшая модификация исходного стихотворения Лермонтова (обрыв текста и изменения разбиения на строки) приводит к изменению концепции, вместо европейской романтической идеи несоответствия гармонии мира и внутреннего мира героя появляется восточная концепция бесконечного пути.

В следующем стихотворении Лукомников переосмысливает максиму позднесоветского романтизма, высказанную Евгением Евтушенко: «Поэт в России - больше, чем поэт. / В ней суждено поэтами рождаться / лишь тем, в ком бродит гордый дух гражданства, / кому уюта нет, покоя нет. <…>». В этом стихотворении 1964 года «Молитва перед поэмой», предваряющей поэму «Братская ГЭС» (Русская советская поэзия. Под ред. Л.П.Кременцова. Ленинград: Просвещение, 1988, 531-532) Евтушенко делает отсылку к романтике Лермонтова («гордый дух» - ср. у Лермонтова: «гордый дух/ Презрительным окинул оком / Творенье бога своего», «покоя нет» - ср. у Лермонтова: «он ищет бури, как будто в буре есть покой») и гражданственности Некрасова («Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»), и провозглашает парадоксальную формулу: поэт – больше, чем поэт. Тем самым вводится формула советского поэта, который должен не только писать стихи, но и обладать выраженной гражданственной позицией. Высказывается утверждение, с одной стороны, совпадающее с традиционными советскими лозунгами об активной жизненной позиции советского человека, а с другой стороны,

воспринимаемое советской интеллигенцией поздне-советской эпохи как героическая программа человека, облеченного талантом, на открытое провозглашение замеченных недостатков системы. Фраза Евтушенко со временем была подхвачена и официальной, и полуофициальной советской идеологией, став популярным лозунгом и практически утратив авторство.

В 80-90-е годы, позднюю советскую и начальную постсоветскую эпоху, в которую начинал работать Лукомников, пафос советской романтики снижается вплоть до его полного отрицания. Лукомников пишет два коротких стихотворения, в которых, повторяя, опровергает максиму Евтушенко. Действуя методам доказательства «от противного», он якобы соглашается с принятой оценкой значимости поэта (поэт > поэт), чтобы продемонстрировать ее внутренние противоречия и ограничения.

Поэт в России
Больше чем поэт,
Но меньше чем
Литературовед. (1991)

И:

Поэт в России
Он ещё и дворник (1993)
(Собрание сочинений Б. и Г.Л. http://www.vavilon.ru/bgl/)

Первое из стихотворений не является верлибром, чередование двух и трехстопного ямба с рифмованными окончаниями второй и четвертой строки сближает его с частушкой. Включение краткого анализа этого текста в данную работу вызвано необходимостью рассмотрения совокупности этих двух коротких текстов. Лукомников здесь трактует поэта не как идеальное существо, в силу таланта обладающего истиной и в силу гражданственной позиции распространяющей ее, как его трактует Евтушенко. Поэт в стихотворении Лукомникова является также и одним из персонажей литературной среды, с которым сопоставляется другой литературный функционал – литературовед. В литературной иерархии литературовед становится более значительной фигурой, чем поэт: он пишет о пишущем. Именно литературовед (в широком понимании слова, включающем также критика, редактора, цензора) решает, быть или не быть поэту напечатанным, прочитанным и услышанным. Таким образом, поэт может осуществиться только при посредничестве и одобрении литературоведа.

Во втором коротком стихотворении Лукомников еще более снижает статус поэта, трактуя его теперь не только как существо литературного пространства, также в определенной степени идеального, но и как существо материальное – члена общества, соотносящегося с обществом не извне, откуда он провозглашает истины о несправедливом социальном устройстве, а физически существующим внутри общества. С логической точки зрения, Лукомников даже увеличивает значение поэта: он «не только», «но и». Формально он соглашается с Евтушенко, однако переходя в пространство физической реальности, создает эффект неожиданной деформации начального смысла, только в объединении функций поэта и дворника находя возможность для поэта существовать физически и обрести социальный статус – минимальная социализация в функции дворника позволяла решить социальные проблемы, как то, не быть зачисленным в тунеядцы. Утверждение Лукомникова звучит парадоксально, показывая реальное значение поэта – оно меньше, чем значение дворника, так как одним поэтическим ремеслом ни прокормиться, ни обрести социальный статус нельзя.

Оба соотнесения, с литературоведом в литературной среде и с дворником в социуме, снижают пафос гражданственной поэзии Евтушенко. Лукомников демонстрирует реальность цеховой конкуренции и социальную незащищенность поэта, показывая, насколько поэт, не входящий в социальные взаимодействия, т.е. подлинный поэт в понимании Лукомникова, отличается от поэта, акцентирующего свою социальную активность, т.е. поэта в понимании Евтушенко.

Следующее стихотворение Лукомникова является перифразой известных стихотворений-песен Владимира Высоцкого:

Кричука ням
И лают псыдорвоты (1993)
(http://lukomnikov-1.livejournal.com/619428.html)

В основе текста – строки из стихотворений Высоцкого «Кони привередливые»: «Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?» (Избранные песни Владимира Высоцкого. С аннотацией

на английский язык Эмили Талл. М. Рудомино. 1992, 30-33, 32), и «Охота на волков»: «Кричат загонщики, и лают псы до рвоты. Кровь на снегу и пятна красные флажков» (Избранные песни Владимира Высоцкого. М. Рудомино. 1992, 34-39, 34).
Стихотворения Высоцкого рифмованные, написаны первое – четырехстопных дольником, второе – шестистопным ямбом. Лукомников выбирает части строк, получая минималистское нерифмованное стихотворение с неравным числом слогов в строках. Создавая перифраз позднесоветской неофициальной поэзии, Лукомников преобразует ее самые трагические и выразительные строки в наивно-авангардисткое двустишие. Сочетание строк различных стихотворений уже является центонным приемом изменения текста. В первой цитате Лукомников меняет местоположение словоразделов и грамматику текста, сохраняя фонетическую составляющую: вместо «кричу коням» возникает «кричука ням». «Кричука» здесь может быть интерпретирован как сказочный или детский персонаж по аналогии с существующими персонажами детского мультфильма «хочухой» и «нехочухой». А слово «ням» является ономатопией глагола «есть, кушать». Таким образом, первая строка читается как: капризный, кричащий ребенок кушает (или должен кушать). Во второй строке расположение словоразделов снова изменяется по отношению к оригинальному: сложносконструированные «псыдорвоты» можно понимать как невиданные существа вроде «слонопотамов», «спиногрызовы» или «кабысдохов», существующих в детской и уличной лексике. В двух строчках стихотворения проводится противопоставление: между «кричукой» и «псыдорвотами», между «ням» как действием «кушать» и «лаем» страшных непонятных существ. Обстоятельства действия также, вероятно, различаются: «кричука» находится рядом с читающим, «псыдорвоты» лают вдалеке. Итак, общее содержание двустишия сводится к тому, что «псыдорвоты» лают, пока ребенок кушает – мама-няня-бабушка кормит ребенка, разговаривая с ним на «детском», ономатопейном языке и присказками уговаривая его поесть: ням, кричука, кушай, послушай, как там лают псыдорвоты, а мы им нашу кашку не дадим, ее наш малыш кушает.
Оба стихотворения Высоцкого, лежащие в основе текста Лукомникова, эмоционально насыщены, это предельные осуществления творческой позиции автора. Это стихотворения позднесоветской романтики в ее самом ярком и выразительном виде: лирический герой Высоцкого уже не стремится к активной жизненной позиции в понимании Евтушенко, он ищет и не находит способов выживания в советском обществе, а стремится вне его, из оков, из колеи. Пастиш Лукомникова изменяет эту напряженную, трагическую интонацию в сюсюканье взрослого на детском языке, модифицируя мужское, взрослое и дикое в женское, детское и домашнее. За счет сочетания двух строк разных стихотворений, перестановки словоразделов, изменения написания слов с сохранением фонетики, контекст резко меняется, и пафос текста снижается. Таким образом, Лукомников отрицает еще одну разновидность романтической героики – позднесоветскую героику, показывая, как она сводится к своей противоположности.

Наконец, в последнем анализируемом здесь стихотворении Лукомникова сталкиваются два содержательно далеких друг от друга высказывания:

Так
говорил Заратустра
Так
говорил Заратустра
Так-так-так
говорил Заратустра (1999)
*(*www.vavilon.ru/bgl/gluk3.html)

Стихотворение написано неравносложным размером, с тенденцией к неравностопному анапесту (2, 4, 5 строки). Повторы второй и последней строк и рифмующиеся тавтологически окончания придают тексту некоторое сходство с жесткой формой, лимериком или триолетом.
В стихотворении цитируются два популярных высказывания: первое принадлежит Ницше и является заглавием его известной книги, в которой провозглашается идея вечного возвращения, а второе – строка из советской песни о пулеметчике Максиме («Так-так-так, - говорит пулеметчик. Так-так-так, - говорит пулемет» («Два Максима», музыка: Сигизмунд Кац, слова: В. Дыховичный, 1941). Лукомников создает центон, аккуратно цитируя исходные фразы, однако уже их сочетание меняет смысл обоих утверждений.
В трактате Ницше сверхчеловек Заратустра спускается к людям с проповедью истины о вечном возвращении, то есть о повторе всех событий и явлений, в том числе – о появлении через

некоторое время всех тех же живых существ. В стихотворении Лукомникова буквально воплощается идей вечного возвращения: фраза «Так говорил Заратустра» повторяется трижды с одним небольшим изменением. Разбивка фразы по строкам стихотворения подчеркивает ударение на слове «так», то есть – «именно так» говорил Заратустра. Отсутствие знаков препинания в конце фраз может указывать на то, что и другие знаки препинания пропущены, и текст можно трактовать как прямую речь: «Так», - говорил Заратустра. Вторично фраза звучит с усилением выразительности, из учителя в смысле мудреца, проповедующего смысл бытия, Заратустра превращается в учителя в смысле классной дамы, повышающей голос, когда ученики не прислушиваются к ее словам. Наконец, в третий раз фраза повторяется с вариацией – на круге вечного возвращения происходит аберрация, и одно из слов повторяется трижды внутри фразы, превращаясь в цитату из советской песни «Два Максима». Заметим, что образ максима, удваивающийся в песне: это и максим-пулемет и Максим-пулеметчик, снова удваивается в данном стихотворении, когда одновременно звучит и голос Заратустры, и военная песня.

Итак, если слова учителя-мудреца не воспринимаются неразумными учениками, не желающими признать его за проповедника новой истины, он превращается сначала в учителя-классную даму, а затем в пулеметчика, утверждая истину языком оружия. Собственно, история сверхчеловека таким образом и развивалась: от философии Ницше к распространению нацизма, присвоившего его идеи. Неизбежно возникают и ассоциации между нацизмом и большевизмом, также прошедшему от провозглашения прогрессивных идей к массовому уничтожению. Стихотворение Лукомникова здесь заканчивается: Заратустра превращается в максима, утверждая истину силой оружия, он уничтожает собеседников и тем самым – возможных адептов собственной философии.

В кратком тексте Лукомникова подвергается сомнению как поэтика военного героизма, провозглашаемая в песне о пулеметчике, так и развернутая философская работа Ницше, по крайней мере, клише о сверхчеловеке, связанное с этой работой в сознании масс. При этом постмодернистическое столкновение смыслов разнородных идеологем продуцирует комическое восприятие текста.

Итак, во всех приведенных стихотворениях, написанных в 90-е годы, Лукомников переосмысливает пафосные героические концепции, усвоенные и клишированные массовым российским сознанием – исторического романтизма, оттепельной гражданственности, поэтики личной героизации. Приемы, которыми это достигается, включают формальные методы – изменения разбивки текста на строки и слова, тем самым изменяется ритмические структуры стихотворений. Ниспровержение героических поэтик происходит посредством создания пастиша: автор якобы соглашается с высказыванием, углубляя его до абсурда и показывая неадекватность моделей, вводимым авторами оригинальных стихотворений, действительности. Освоение героики романтизма осуществляется автором, возможно, как попытка избавиться от влияния ранее значимых для него текстов. Другой причиной может быть, напротив, попытка избавить значимые идеи от клиширования, стремление вернуть начальную чистоту их образов. В отношении одних стихотворений превалирует одна из этих причин, относительно других – вторая. В целом, героическим поэтикам Лукомников противопоставляет принятие существующего мира, чистое творчество и инфантильное существование. Осмыслив различные творческие программы, Лукомников определяет собственную задачу, предпочитая только поэтические и личностные ценности. На этом пути происходит становление собственной интонации, как идейной, так и стилистической, выбор собственной литературной формы – известной из знакомства с дальнейшим творчеством Лукомникова, минималистское стихотворение с экстремальной лексикой, парадоксальной логикой и инфантильной интонацией.

AVANT-KNIZNOSTI

Johanna Renate Döring, Ilja Kukuj (Hrg.). Leonid Aronzon: Rückkehr ins Paradies. Wiener Slawistischer Almanach. Band 62, 2008.

Более чем 500-страничный том, посвященный выдающемуся поэту ленинградского андеграунда 60-х годов Леониду Аронзону, подготовленный Йоханной Ренатой Дёринг и Ильей Кукуем. Значительный раздел известного славистского издания занимают непубликовавшиеся ранее произведения, записные книжки поэта, преводы его стихов на разные европейские языки. Большой интерес представляют материалы к биографии Аронзона и комментарии И.Кукуя. В аналитическом разделе выступают ряд известных российских и немецких исследователей и поэтов: Й.Р.Дёринг, Э.Гребер, Н.Азарова, Н.Фатеева, О.Седакова, Е.Шварц, Р.Грюбель, С.Бирюков, И.Лощилов, П.Казарновский, В.Кулаков. Публикуется наиболее полная Библиография, составленная другом Аронзона, поэтом и исследователем В.Эрлем.

Анна Альчук. Противостоять на своем. Спб.: Алетейя, 2009.

Эту книгу Анна готовила в последний год своей жизни. Книга интервью. Анна любила этот жанр, потому что вообще любила и ценила общение с людьми. А круг ее общения был широк: поэты и художники, философы и музыканты, переводчики, литературоведы, издатели... Наталья Абалакова, Вера Хлебникова, Герман Виноградов, Всеволод Некрасов, Андрей Монастырский, Сергей Летов, Георг Витте, Валентина Фреймане, Валерий Подорога... Это далеко неполный список собеседников Анны. В предисловии Анна пишет: "Назначение интервью — дать Другому заговорить через тебя. Задача альтруистическая и эгоистическая одновременно — ведь самопознание возможно только через понимание других".

Сергей Бирюков. Смена ролей. 14 (не) (мало) вероятных пьес. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante. 2009.

Впервые в одной книге собраны пьесы поэта и исследователя авангарда, который также является драматургом и режиссером. Изящная книжка, оформленная визуалами самого автора, возможно, способна произвести некоторое волнение в современной театральной практике. Однако тираж зависит строго от спроса! Основная драматургическая механика пьес – высокий абсурдизм. По-русски это называется клин клином.

Тамара Буковская. Стихи на полях. Рисунки Валерия Мишина. Спб., 2009.
Тамара Буковская. аptикуляция. Графика Валерия Мишина. Спб., 2009.

Две новые книги авторов нашего журнала. Это действительные тексты
и столь же действительная графика. Повезет тем, кто сможет эти книги найти.
Вот строки о жизни:
мы и этой
не просили
получили
ни за что
да зачем-то
полюбили
перед выходом
в ничто

Давид Бурлюк. Каталог. Составление, подготовка текста, комментарии – Д.В.Карпов. М.: Государственный музей В.В.Маяковского, 2009.

Каталог, выпущенный к выставке, впервые так полно представляет материалы "отца русского футуризма", хранящиеся в музее. Большой интерес представляют письма Бурлюка к Н.Кульбину, М.Матюшину, Вас. Каменскому, Н.Асееву. В том числе публикуется несколько писем, в которых Бурлюк ведет речь о желании вернуться в Россию.

Костантин Кедров. Дирижер тишины. Стихи и поэмы. М.: Художественная литература, 2009.
Константин Кедров. Философия литературы. М.: Художественная литература, 2009.
Этот своеобразный двухтомник известного поэта, философа и критика вышел в серии "Номинанты нобелевской премии в области русской литературы". Книги всесторонне представляют одного из самых ярких деятелей современной литературы. Эти издания будут интересны и тем, кто впервые открывает творчество Кедрова и тем, кто знаком с ним давно, ибо поэт-философ не стоит на месте, он постоянно меняется, как истинный авангардист он заглядывает в такие дали поэтического и поэтологического, в которые другие заглянуть боятся.

Виктор Клыков. Поэтическая мозаика. М.: Библиотека журнала "Дети Ра", 2009.
Еще одна книга в поэтической серии журнала "Дети Ра". Автор пишет стихи еще с 60-х годов, но начал печататься в 90-е годы. В последние годы его творчество заметно смещается в сторону авангардного поиска. Он стремится построить здание в "недоступном мироздании", то есть ищет пути в незнаемое, как формулировал когда-то задачу поэзии классический авангардист Владимир Маяковский. Виктор Клыков активен и как организатор русского поэтического пространства в Австрии, что также отражается в его собственном творчестве.

Алексей Крученых. Полуживой. Рисунки Михаила Ларионова. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante. 2009.
Алексей Крученых. Две поэмы. Пустынники. Пустынница. Рисунки Натальи Гончаровой. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante. 2009.
Две книги, продолжающие серию, начатую книгой Крученых и Хлебникова "Мирск**о**нца".
Серию ведет Мифосемиотическое Общество (Мадрид) и Международная Академия Зауми.
По литографическим оригиналам тщательно восстанавливается графика выдающихся авангардных художников, выверяются и набираются поэтические тексты. Книги снабжены предисловиями, в которых рассматриваются как проблемы издания подобных произведений, так и тексты. Обложки изготавливаются мастером рукотворной книги Михаилом Евзлиным ***(Каталог книг см. в этом номере).***

Алексей Крученых. Помада. Рисунки Михаила Ларионова. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante. 2009.
Четвертая книга серии крученыховских книг, выпускаемых совместно Мифосемиотическим Обществом (Мадрид) и Международной Академией Зауми. Легендарная книга, в которой впервые был явлен миру знаменитый "Дыр бул щыл". В предисловии к этому изданию С.Бирюков подробно описывает композицию, а также загадочное название книги, выявляя ряд интересных и неожиданных параллелей и пересечений.

Маяковский продолжается. Сборник научных статей и публикаций архивных материалов. Вып 2. Научные редакторы М.А.Немирова, А.П.Зименков. М.: Государственный музей В.В.Маяковского, 2009.
В сборнике публикуется целый ряд не публиковавшихся ранее воспоминаний о поэте, а также письма Давида Бурлюка, Василия Каменского, Ивана Игнатьева, Казимира Малевича, материалы из литературного наследия группы ничевоков. Различным аспектам творчества Маяковского посвящены статьи исследователей. Серия статей объединена в раздел "Памяти друзей". Эти статьи посвящены ушедшим из жизни литературным деятелям, так или иначе связанным с музеем. В том числе публикуются заметки Галины Айги о последних днях ее мужа Геннадия Айги.

Нуль лун. Стихи /Составитель Елена Кацюба. М.: Изд-во Р.Элинина, 2009.
Небольшой сборник, объединенный одной темой – темой луны. Луна по-разному появляется и проявляется в стихах поэтов, большинство из которых являются авторами нашего журнала.
Это К.Кедров. Н.Азарова, С.Бирюков, Е.Кацюба, А.Альчук, В.Месяц, А.Кессельман, А.Коровин, О.Адрова, А.Витухновская. Между прочим заметна дифференциация луны и месяца:
от луны до месяца
всякий перебесится
(К.Кедров)

Борис Поплавский. Орфей в аду. Неизвестные поэмы, стихотворения и рисунки/ Подбор и поготовка текстов, комментарии Кирилл Захаров и Сергей Кудрявцев. Общая редакция Сергей Кудрявцев. М.: Гилея, 2009.
Этой книгой "Гилея" продолжает представлять творчество выдающегося русского поэта, умершего 32-летним в Париже в 1935 году. Ранее вышли книги "Покушение с негодными средствами" (1995) и "Дадафония" (1999). Книга возвращает нас в эпоху расцвета европейского авангарада. Поэзия Поплавского аукается с с французскими проклятыми поэтами, русскими футуристами и имажинистами, западными дадаистами и сюрреалистами. Рисунки, стихи и поэмы составляют взрывной конгломерат творчества. Книга, когда ее разгибаешь для чтения и всматривания, как диковинная рыба, не дается тебе в руки. И надо приложить немалые усилия, чтобы вместить в себя эти бьющие наотмашь строки. Кирилл Захаров в предисловии пишет, что "заняв свое место, стихи Поплавского умрут, конечно же", а пока, дескать, живы. Относительно утвердительной частицы "же" можно сказать, что она не вполне оправданна или вполне не оправданна:
Жужжат часы, их стрелки жалят глаз
Лишь кости на тарелке циферблата
Но разрезает зеркало алмаз
Воспоминания спешит расплата

Поэтика финала. Межвузовский сборник научнах трудов /Под ред. доктора филологических наук Т.И.Печерской. Новосибирск: НГПУ, 2009.
В сборнике исследуется поэтика финала в поэзии, прозе, драме и кино. Сама по себе довольно авангардная постановка проблемы. В том числе обсуждается финальность авангардных текстов В.Маяковского (Л.Большухин, М.Александрова), Н.Заболоцкого (С.Кекова, И.Лощилов, В.Мароши), Д.Хармса (А.Кобринский), своеобразный постфинализм рассматривается в статье С.Бирюкова, посвященной книге А.Крученых и В.Хлебникова "Мирск***о***нца".

Владимир Радзишевский. Между жизнью и смертью: Хроника последних дней Владимира Маяковского. М.: Прогресс-Плеяда, 2009.
Название книги точно отражает ее содержание. Автор по крупицам воспоминаний и свидетельских показаний восстанавливает эти последние дни. Но споры о "само" или "убийстве" поэта продолжаются. Почти одновременно появилась публикация в "Новом мире", в которой события вокруг гибели и сама гибель рассматриваются с иной точки зрения. Истинного знания у нас нет. Таким образом получается, что расследования, предпринимаемые литераторами или криминалистами становятся некоторым разделом литературы о Маяковском.

Русский авангарад в Сербии.
В Сербии традиционный интерес к русскому авангарду. Здесь постоянно ининциируются различные инициативы, связанные с популяризацией русского авангарда. И, разумеется, многое делается усилиями энтузиастов. Доктор филологических наук, профессор Белградского университета Корнелия Ичин на сегодняшний день ведущий энтузиаст этого направления. Она организует конференции, собирает и редактирует сборники статей, инициировала и издает журнал "Русская почта", это помимо основной работы, которую она ведет в университете. А еще, совсем уж помимо всего, это огромная переводческая работа. Назовем только из последнего. В 2005 году, к столетию Даниила Хармса в Сербии вышло полное собрание его сочинений. Основной корпус

поэзии и прозы переводила сама Корнелия Ичин, вместе с ней работали Елена Кусовац, Бояна Сабо, Мира Грбич, Наталия Ненезич, Юлия Станков, Бобан Чурич, Анна Яковлевич. Собрание сочинений вышло в известном издательстве "Логос" (редактор Владимир Меденица).

Еще более амбизиозный проект близится сейчас к завершению. Группа переводчиков под руководством К.Ичин перевела все пять томов Казимира Малевича, выпущенных в России издательством "Гилея". Над переводами сложнейших философских текстов Малевича работали Елена Кусовац, Мира Грбич, Владимир Даёвич, Анна Ацович, Мирьяана Петрович-Филиппович. В скором времени к изданию приступит издательство "Синий круг".

Евгений Степанов. Две традиции. М.: Библиотека журнала "Дети Ра", 2009.

Продуктивность писателя, поэта и литературного деятеля невероятная. Издатель нескольких ярких журналов, газеты, собиратель поэтической антологии, он выпускает подряд роман, книгу стихов, параллельно публикует критические статьи. Новую книгу стихов он назвал "Две традиции". На самом деле Евгений Степанов работает в гораздо большем количестве традиций. Но – скромность необыкновенная – отмечает всего две. И наверно самое главное для этого автора – сильнейшая авторефлексия:

"Я был распят – самим собой".

Пожалуй, эта строка может считаться определяющей в многовариантном творчестве Евгения Степанова.

Владимир Эрль. Кнега Кинга и другие стихотворения. СПб: Юолукка, 2009, тираж 112 экз.

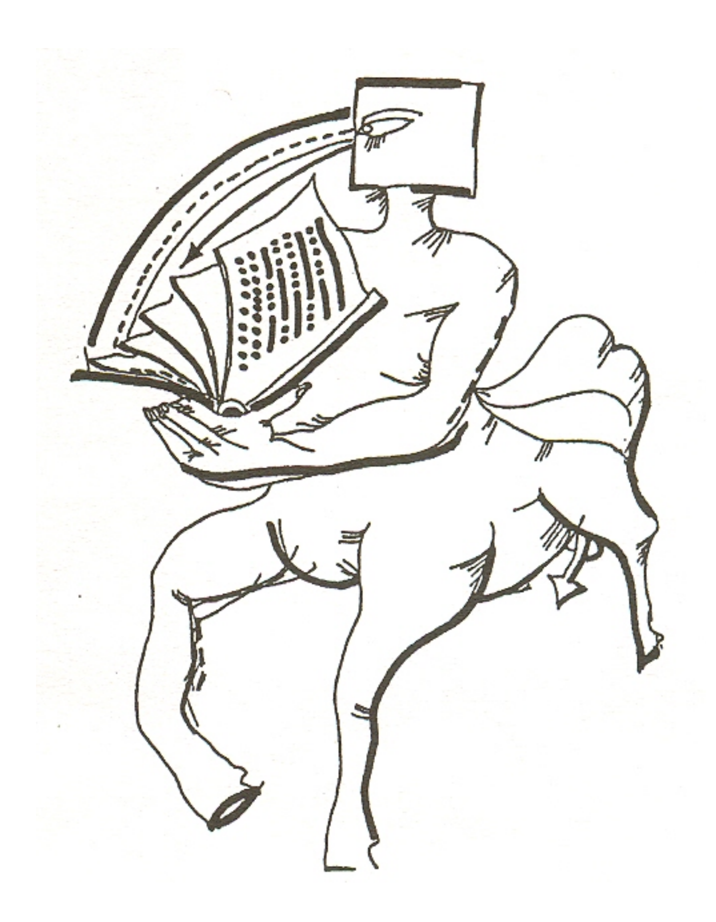
Впервые вышла, написанная еще в 60-е годы, книга Владимира Эрля, одного из самых значительных авторов ленинградского андеграунда и современного Петербурга. Впервые 112 читателей получат возможность ощутить силу воздействия неповторимого стиля крупнейшего хеленукта, лауреата международной Отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка. Правда, некоторые тексты были известны и ранее, благодаря публикациям в антологиях С.Бирюкова и К.Кузьминского. А такие произведения, как "як ык" или "и яблоки проплыли в море" давно полюблены народом. В небольшом послесловии "От автора" Вл. Эрль всем публикаторам воздает должное.

Б.

Catalogue

Ediciones del Hebreo Errante

Publicación de la Asociación Mitosemiótica

Madrid

СЕРИЯ "РУССКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ АВАНГАРД"

Игорь Бахтерев. Вилки и стихи. Подготовка текста и послесловие Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 122 с. $49,90

Из всех обэриутов Игорь Бахтерев остается менее известным, во всяком случае, для "публики", хотя и его коснулась сомнительная слава в качестве соавтора популярной в свое время пьесы "Полководец Суворов". И если бы не старания Сергея Сигея, собравшего и опубликовавшего затерянные в частных архивах сочинения этого оригинальнейшего поэта-авангардиста, от Игоря Бахтерева не осталось бы почти следа. В книге собраны стихотворения 1925-1950 годов.

Игорь Бахтерев. Ночные приключения. Подготовка текста и рисунки Сергея Сигея. Послесловие Михаила Евзлина. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 28 с. $19,90

Эта "сказка-прогулка" по совершенству своей структуры и поэтической техники без колебаний может быть причислена к классическим текстам русского авангарда.

Игорь Бахтерев. Ночной миракль из Мо-хо-го. Послесловия Сергея Сигея и Михаила Евзлина. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 150 с. $49,90

В книге собраны "миракли" Игоря Бахтерева, представляющие специфическую обэриутскую мистерию.

Игорь Бахтерев. Обманутые надежды. Послесловие Сергея Сигея и Михаила Евзлина. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 47 с. $22,90

"Обманутые надежды" – самый совершенный образец жанра "миракля-мистерии", создателем которого был Игорь Бахтерев.

Игорь Бахтерев. Зимняя прогулка и другие пьесы. Ediciones del Hebreo Errante. Послесловие и рисунки Сергея Сигея. 2002. 80 с. $44,90

В книге собраны все сохранившиеся драматические произведения Игоря Бахтерева. Впервые публикуется абсурдистская комедия "Зимняя прогулка", первый вариант которой был написан совместно с Даниилом Хармсом и потерян. Публикуемый вариант комедии был восстановлен Игорем Бахтеревым по памяти много лет спустя.

Игорь Бахтерев. Лу. Предисловие и комментарий Сергея Сигея. Послесловие и рисунки Анны-Ры Никоновой-Таршис Ediciones del Hebreo Errante. 2006. 32 с. $24,90

Вместе с "Ночными приключения" эта поэма принадлежит к вершинам поэтического творчества Игоря Бахтерева.

Игорь Бахтерев. Варвыра и другие стихотворения. Предисловие, комментарий и иллюстрации Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2006. 88 с. $39,90

В книге собраны стихотворные циклы поэта-обэриута, творения которого стали постепенно выходить из темноты частных архивов только в средине 80-х годов и до сих пор остаются малоизвестными даже специалистам по русскому поэтическому авангарду.
Игорь Бахтерев. Возможно пять. Комментарии Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2007. 40 с. $29,90

В книге собраны ранее никогда не публиковавшиеся стихотворения замечательного поэта-обэриута.

Николай Харджиев. Куклоподобие. Послесловие и рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 53 с. $27,90

В книге собраны неопубликованные стихотворения выдающего исследователя русского литературного авангарда.

Александр Туфанов. Ушкуйники. Послесловие и рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 89 с. $34,90

В книге воспроизводится опытный типографский экземпляр, набранный самим поэтом и оставшийся на его письменном столе, когда он был арестован.

Сергей Подгаевский. Три поэмы. Послесловия Сергея Сигея и Михаила Евзлина. Ediciones del Hebreo Errante. 2007. Издание 2-е, исправленное 120 с. $44,90

Это издание есть своего рода вызывание к жизни тени всеми забытого поэта-футуриста, само существование которого подвергалось сомнению. В книге публикуются все сохранившиеся поэтические произведения Сергея Подгаевского.

Божидар. Мария. Послесловие Джеральда Янечека и рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2002. 57 с. $23,90

Впервые публикуется единственная сохранившая поэма поэта-авангардиста Богдана Петровича Гордеева.

Неол Рубин. Дум-дум. Послесловие Сергея Бирюкова. Комментарий Анны-Ры Никоновой-Таршис. Рисунки Сергея Сигея Ediciones del Hebreo Errante. 2002. 94 с. $44,90

Имя Неола Рубина как участника авангардного движения долгое время было и остается практически неизвестным. В книге воспроизводится первое и единственное издание 1915 года одного из двух его поэтических сборников.

Василиск Гнедов. Крючком до неба. Комментарии и рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2003. 130 с. $49,90

В книге собраны ранние и поздние стихотворения поэта-эгофутуриста, представлявшего наиболее радикальное направление в русском поэтическом авангарде.

Алексей Крученых. Слово о подвигах Гоголя. Послесловие и рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 49 с. $24,90

В настоящем издании публикуются два стихотворных цикла Алексея Крученых 1942-1943 годов. "Слово о подвигах Гоголя" было опубликовано впервые в самиздатстком журнале "Транспонанс" в 1985 году, а "Арабески из Гоголя" изданы небольшим тиражом в 1992 году в Ейске, но по-прежнему они остаются почти неизвестными исследователям и читателям.

Алексей Крученых. Игра в аду. Послесловие и рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 25 с. $19,90

Сергей Сигей рассказывает: "Когда в конце 30-х годов Н. И. Харджиев начал готовить том "Неизданного Хлебникова", то попросил Крученых как можно точнее указать те части текста, которые были написаны Хлебниковым. Но Крученых всегда утверждал, что сделать это невозможно и ссылался на "потерю памяти". Настойчивость Харджиева и его любопытство привели к неожиданному результату. Однажды к нему пришел Крученых и с таинственным видом вручил машинопись "настоящей", по его словам, "Игры в аду"". До сих пор эту поэму Крученых, несмотря на ее высокие поэтические качества, все издатели отказывались печатать. И вот наконец она вышла в свет, но не в России, а в Испании.

Мірсконца. Ediciones del Hebreo Errante. 2009. 64 с. $39,90

"Мирсконца", изданная литографским способом Алексеем Крученых, была по-настоящему первой книгой русского авангарда. Это прежде всего касается "примитивного" способа ее изготовления. Тексты были написаны от руки и соединены более или менее произвольно с рисунками. Обложка была коллажной, что само по себе явилось новшеством в изготовлении книги. Под этой обложкой собрались художники Н. Гончарова, М. Ларионов, Н. Роговин, В. Татлин и поэты А. Крученых и В. Хлебников, создав книжку, название которой выразило наиболее полно "идею" русского авангарда как свершившегося "конца", а не просто "будущего". До сих пор эта книжка воспроизводилась репринтом со всеми погрешностями, которые мешали ее восприятию. В настоящем издании тексты набраны соответствующими шрифтами, а рисунки вычищены от всех "грязнот", т. е. речь идет не просто о "новом", а о первом издании книги, сохраняющим, однако, ее идеальную структуру, но устраняющим все наносное и случайное. Подготовка текстов, вступительная статья и комментарий принадлежат поэту и исследователю русского поэтического авангарда Сергею Бирюкову, коллажная обложка изготовлена Михаилом Евзлиным.
Алексей Крученых. Полуживой. Ediciones del Hebreo Errante. 2009. 36 с. $37,90

Это издание книжки Алексея Крученых с рисунками Михаила Ларионова продолжает эксперимент с изданием "Мирсконцы", первой русской авангардной книги. До сих пор тексты из крученыховских книжек печтались в антологиях, отдельных изданиях или просто воспроизводились репринтным способом со всеми дефектами, обязанными литографическому способу их изготовления. Экспериментальность этих новых изданий состоит в том, чтобы вычистить литографические книжки Крученых от всего случайного (помарки, кляксы, желтизна бумаги и т. п.). Благодаря этой "гигиенической" операции идеальная структура авангардных текстов как единства зрительного и словесного становится ясно воспринимаемой и ощутимой; и текст, умертвленный механическими репринтами или помещенный под стекло академ-изданий, начинает оживать. Собственно, это и есть главная цель этих изданий: оживить старые авангардные тексты, показать наглядно их актуальность и эстетическую значимость.

Алексей Крученых. Две поэмы: Пустынники. Пустынница. Иллюстрации Наталия Гончарова. Предисловие Михаила Евзлина. Ediciones del Hebreo Errante. 2009. 44 с. $37,90

Это издание двух поэм А. Крученых продолжает серию нового воплощения первых литографических книжек русского авангарда, в которых наиболее полно проявились фундаментальные черты "футуристического текста". Серия, в которой уже вышли "Мирсконца" Крученых и Хлебникова с рисунками Гончаровой и Ларионова и "Полуживой" Крученых с рисуниками Ларионова, в полном смысле - новое издание этих обветшавших книжек, очищенных от мертвенной желтизны времени, снова вышедших на свет бытия. Тексты предваряются небольшим предисловием, в котором анализируются мифопоэтические элементы поэм А. Крученых, истинного творца русского "футуристического текста" как единства визуального и словесного.

Алексей Крученых. Помада. Ediciones del Hebreo Errante. 2009. 42 с. $37,90

"Помада" знаменитейшая и самая дорогая книга русского авангарда. В ней снова сошлись пути Алексея Крученых и Михаила Ларионова. Именно в этой книге впервые были явлены миру стихи Крученых "на собственном языке", то есть заумные. Его знаменитое "дыр бул щыл". Эта книга завершает серию ранних книг Алексея Крученых, своего рода "заумный квартет", в который вошли вышедшие ранее "Мирскóнца", "Полуживой" и "Пустынники". Предисловие к изданию написал известный поэт и исследователь авангарда Сергей Бирюков, сделав особый акцент на названии книги и ее композиции.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ АВАНГАРД

Анна-Ры Никонова-Таршис. Песни принца, владеющего ключами. Рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 77 с. $39,90

В книге собраны наиболее яркие образцы сюрреалистской прозы Ры Никоновой. Четыре текста, составляющие книгу, концентрируют технику и метафизику позднего авангарда в его специфическом южно-российском варианте.

Анна-Ры Никонова-Таршис. Обструганное бревно поэзии: Стихотворения. 1994-2002. Ediciones del Hebreo Errante. 2002. 104 с. $49,90

В этой книге, как и в других своих сборниках, Ры Никонова продолжает свои оригинальнейшие поэтические эксперименты.

Анна-Ры Никонова-Таршис. Стихотворения нетто. Составление и предисловие Михаила Евзлина. Ediciones del Hebreo Errante. 2006. 48 с. $38,90

В эту маленькую антологию входят самые традиционные стихотворные опыты Ры Никоновой, в том смысле, что они разворачиваются в "линейном" пространстве. Собственно, на этой "линейности" оканчивается традиционность поэтессы: в каком бы пространстве не разворачивались ее стихотворения – двухмерном или трехмерном – они всегда эксперименты, поставленные самым неожиданным образом.

Анна-Ры Никонова-Таршис. Ю. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 160 с. $59,90

Также и в этом поэтическом сборнике своеобразный дар Ры Никоновой проявляет себя всегда в новых и причудливых формах.
Анна-Ры Никонова-Таршис. Глав-стих-лек-сырье: Избранные стихи 1958-1970 г.г. плюс позднейшие варианты. Ediciones del Hebreo Errante. 2003. 176 с. $64,90

Ры Никонова – одна из ярчайших представительних русского экпериментального авангарда. В этой книге, как и во всех других книгах поэтессы, поэзия становится никогда не оканчивающимся экспериментом.

Сергей Сигей. Армейско-арамейские стихи. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 44 с. $28,90

Среди поэтов-экспериментаров Сергей Сергей пользуется заслуженным уважением, но для читателя, даже открытого всему новому и авангардному, он, по всей видимости, навсегда останется герметически закрытым, как ящичек без ключа. И все же имеет смысл хотя бы попытаться открыть этот поэтический "ящичек".

Сергей Сигей. Шэдэврез. 9 иллюстраций. Ediciones del Hebreo Errante. 2003. 60 с. $49,90

Этот сборник является самым чистым и ясным образцом заумной поэзии Сергея Сигея.

Сергей Сигей. Драматицы и другие птицы. 17 иллюстраций. Ediciones del Hebreo Errante. 2003. 98 с. $39,90

Книга включает заумную трагедию "Ри Танцу" и другие абсурдистские драматические сцены Сергея Сигея.

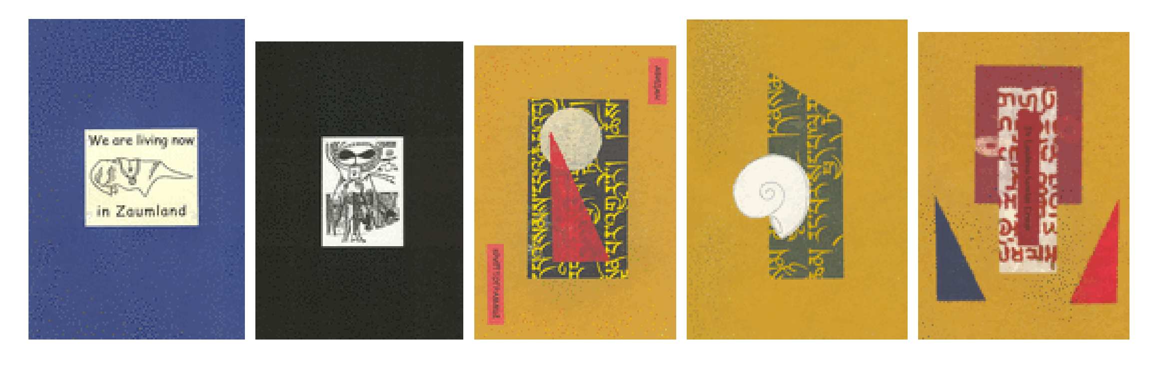
Сергей Бирюков. Sphinx. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante. 2008. 72 с. $44,90

"Sphinx" – новая книга стихов известного поэта и исследователя русского литературного авангарда. В этой книге сосредоточены основные темы поэта: переживание эфемерности человеческого существования, поиск соответствий между внешним и внутренним миром, пространством и временем, человеком и искусством, Это стихи активного воздействия, недаром книге предпослано авторское "Предупреждение" о небезопасности общения с текстами! Сам же автор вступает в диалог с поэзией разных эпох, предположительно от времен сфинксовых до тех, которые может себе домыслить читатель.

Сергей Бирюков. Смена ролей: 14 (не)(мало)вероятных пьес. Ediciones del Hebreo Errante. Madrid 2009. 46 стр. $37,90.

Драматические опыты Сергея Бирюкова входили в его книги, печатались в журналах, переводились на иностранные языки, ставились им самим на разных сценах России и Германии. Наконец они впервые собраны в книгу. И единственно ради того, чтобы читатель имел возможность неспешного и отрешенного знакомства с этими сочинениями. Книга снабжена "необходимыми пояснениями" и усилена визуальным рядом работы самого драматурга.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

Ры Никонова, Pierre Garnier, Сергей Сигей. Matière. Poésie Spatiale. Ediciones del Hebreo Errante. 2002. 86 с. $49,90

Эта книжка – плод сотрудничества трех поэтов-авангардистов в области визуальной поэзии. Книга включает также теоретические тексты Пьера Гарнье и Сергея Сигея.

Ры Никонова, Pierre Garnier, Сергей Сигей. We are living now in Zaumland. Ediciones del Hebreo Errante. 2003. 60 с. $28,90

В этой книжке продолжается сотрудничество трех поэтов, начатое в сборнике "Matière", в области визуальной поэзии.

Хуго Балл. Simultan Krippenspil. С иллюстрациями и переводом на русский Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2003. 36 с. $19,90

Кощунство в этом "звукопредставлении" немецкого поэта-дадаиста становится "метафизикой", открывающей во всех сакральных и профанных формах единое и нераздельное ничто, наполненное бессмысленным скрежетом и шипением.

Давид Авидан. Криптограммы с борта разведспутника. Перевод с иврита Савелия Гринберга Иллюстрации Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2003. 104 с. $44,90

Благодаря переводам Савелия Гринберга поэтическое творчество самого авангардного израильского поэта стало доступным в полной мере также и для русского читателя.

Pierre Garnier. Poemas de Saisseval. With translation in the Spanish by Milagrosa Romero Samper. Ediciones del Hebreo Errante. 2003. 80 с. $33,90

Пьер Гарнье стал патриархом французской поэзии, когда в прошлом году пикардийцы отмечали восьмидесятилетие своего "национального" поэта. Сесваль – маленькая деревушка, "затерянная" среди холмов и полей пикардийской земли, и в то же время – живой космос, созданный великим поэтом.

Pierre Garnier. Une nativite. Poesie Spatial. Ediciones del Hebreo Errante. 2003. 118 с. $39,90

"Я написал мое "Рождество" после чтения "Simultan Krippenspil" Хуго Балла. Это был ответ из визуальной поэзии шуму, из тишины - звуку", пишет Пьер Гарнье. "Рождество" Пьера Гарнье есть больше, чем простой ответ: оно есть возвращение к абсолютным формам сакрального, но уже через специфические формы визуальной поэзии.

Pierre Garnier. Les oiseaux chantent l'eternite. With translation in the Spanish by Milagrosa Romero Samper. Ediciones del Hebreo Errante. 2004. 57 с. $28,90

Это книга о птицах - таинственных существах, хрупких, как время, касающихся вечности, как ангелы, несущих на своих крыльях тайну Бога.

Pierre Garnier. Le feu et la pomme: Ève et Prométhée. Poesie Spatial. Ediciones del Hebreo Errante. 2009. 204 с. $64,90

Эта книга дает визуально-поэтическую версию мифа Прометея, похитителя огня, и мифа Евы, похитительницы яблока. В поэтическом видении Пьера Гарнье два мифа становятся единой параболой: яблоко, как огненный шар, прожигает все тварные формы, которые поэт воссоздает в своей первоначальной чистоте и бесчисленности значений.

Pierre Garnier. De Laudibus Sanctae Crucis. With translation in the Spanish by Milagrosa Romero Samper. Ediciones del Hebreo Errante. 2006. 122 с. $39,90

Этот визуальный цикл берет свое название от кодекса IX-го века, содержащем композиции из букв, которые с полным правом можно назвать первыми классическими образцами визуальной

поэзии. В своей книге Пьер Гарнье как бы желает сказать, что настоящий и подлинно духовный авангард "изобрели" средневековые монахи в своих тихих и отдаленных от мира скрипториях.

Pierre Garnier. Un Poème du Soleil. Poesie Spatial. With translation in the Spanish and in the English by Milagrosa Romero Samper. Ediciones del Hebreo Errante. 2007. 60 c. $28,90

Солнце – центральный образ визуальной поэзии Пьера Гарнье, символизирующий полноту бытия, а также источник бесчисленных значений, открывающихся духовному взору поэта.

Milagrosa Romero Samper. Diario Fiorentino. С архетектурными обработками Ры Никоновой и рисунками Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 72 c. $33,90

За шумной и хаотической Флоренцией нашего времени в этом "дневнике" вдруг открывается вневременый мир итальянского Возрождения. За испанским текстом следует его русская версия.

Milagrosa Romero Samper. Licorne. Unicornio. With 9 applicated colour illustrations. Ediciones del Hebreo Errante. 2009. 28 c. $39,90

Серия испанских стихотворений Милагросы Ромеро разворачивается как поэтическое размышление о символизме мифического существа, Единорога, получившем свое наиболее полное и совершенное выражение на французских шпаллерах конца 15-го века, хранящихся в парижском музее Клюни.

OPERA MITHOLOGICA

Михаил Евзлин. Сотворение девы. Рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 89 c. $34,90

Книга посвящена "архетипу девы". Особое внимание уделяется мифу Пандоры, в котором рассказывается о вхождении в человеческое существование обмана и смерти.

Михаил Евзлин. Куклогония. Рисунки Анны-Ры Никоновой-Таршис. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 67 c. $28,90

В начале была кукла. В одном мифе рассказывается, что Прометей слепил из глины подобие человека, но оно оставалось бездушным. Одушевленным существом эта глиняная кукла становится, когда в нее вкладывается похищенный на небесах божественный огонь. Ожившая кукла сопротивляется этому "дару", который стал для нее проклятием и страданием.

Михаил Евзлин. Герой в стране смерти. Рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2002. 107 c. $39,90

Как Гильгамеш, герой отправляется в страну смерти в поисках бессмертия и терпит неудачу. Как Персей, герой отправляется в темные глубины бытия и отрубает голову Медузы Горгоны,

превращающейй всякое живое существо в мертвый камень. Геракл борется с чудовищами, опустошающими землю. Его путь к бессмертию проходит через самосожжение своей плоти, впитавшей в себя яд убитой им гидры.

Фигуры архетипа: Рисунки Сергея Сигея. Текст Михаила Евзлина. 54 иллюстрации. Ediciones del Hebreo Errante. 2002. 47 с. $49,90

В книге собраны рисунки Сергея Сигея, в которых мифологические мотивы интерпретируются в специфической авангардистской перспективе.

Михаил Евзлин. Миф Прометея: Источники и реконструкция. Рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 158 с. $49,90

В первой части книги собраны все основные греческие и латинские источники мифа о Прометее. Во второй части анализируется космогонический и антропогонический контекст, в котором разворачивается деятельность этого самого знаменитого в истории богов и людей лже-героя.

Михаил Евзлин. Ахилл и Одиссей. Рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 106 с. $39,90

Они бились вместе под стенами Трои. И вот они снова встретились – в Аду: мертвый Ахилл и живой Одиссей. Но и Одиссей, войдя в страну смерти, стал тенью, хотя сохраняющей в себе жизнь и сознание. "Одиссею" можно назвать первым авантюрным романом в мировой литературе, "материей" для которого послужили "приключения" души мертвого в ее странствии по стране смерти.

Михаил Евзлин. Лолита и Лилит, или Новые приключения демона Хумберта. Ediciones del Hebreo Errante. 2008. 79 с. $44,90

В книге анализируется архетипическая структура романа Владимира Набокова "Лолита", а также его раннее стихотворение "Лилит". Упоминание в романе Лилит ведет не к персонажу из народной демонологии, а к поэзии и живописи Данте Габриэля Россетти, что указывает на глубинный романтический слой "Лолиты", из которого вырастает набоковский миф "поруганной Девы".

Михаил Евзлин. Архетипические источники языка птиц. Рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 33 с. $19,90

В книге рассматривается мифологическая функция птиц как посредников между людьми и богами.

Михаил Евзлин. Миф и архетип в "Пиковой даме" А.С. Пушкина. Рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2001. 117 с. $39,90

"Пиковая дама" Пушкина остается самым таинственным произведением в русской литературе. Ее простота обманчива, как три карты, с помощью которых герой надеется обрести несметное богатство.

Михаил Евзлин. Антигерой в стране смерти: "Вий" Гоголя. Издание 2-е, исправленное. Рисунки Сергея Сигея. Ediciones del Hebreo Errante. 2009. 76 с. $34,90

В первой части книги выясняются архетипические элементы повести Гоголя, позволяющие возвести ее к жанру "странствия по стране смерти". Во второй части "Вий" сопоставляется с "Золотым ослом" Апулея в переводе Ермила Кострова, который послужил моделью для этой повести Гоголя.

Михаил Евзлин. Дюрер и Веласкес. Ediciones del Hebreo Errante. 2007. 200 с. 51 иллюстрация. $79,90

В первой части книги анализируется "Меланхолия I" Альбрехта Дюрера. Из сопоставления с другими гравюрами худоджника следует, что в сидящей на камне фигуре изображается не аллегория Меланхолии, а Бог шести дней творения, сидящий в меланхолической задумчивости после окончания всех трудов Своих. Во второй части рассматриваются мифологические картины Диего Веласкеса, в первую очередь "Прядильщицы", в которых великий испанский художник разворачивает картину творения мира и его устройства.

Michael Yevzlin. Dürer & Velázquez: Space compositions. Ediciones del Hebreo Errante. 2009. 24 applications. $299,90

Эти композиции являются продолжением книги Михаила Евзлина "Дюрер и Веласкес", но уже на "супрематистском" языке пространственных форм.

Agostino Carracci, Michael Yevzlin. Le Stravaganze: 12 gravures with applications. Ediciones del Hebreo Errante. 2008. $199,90

В качестве основы для этого цикла аппликаций взяты эротические гравюры итальянского художника 16-го века Агостино Караччи, известные под названием "I Modi". Апплицированные геометрические фигуры "исправляют" физиологию, переводя ее в сферу чистой формы.

Михаил Евзлин. Поэты авангарда. Издание 2-е, исправленное. Ediciones del Hebreo Errante. 2008. 125 с. $49,90

В книге собраны статьи и заметки, посвященные поэтам старого и нового авангарда: Игорю Бахтереву, Сергею Подгаевскому, Василиску Гнедову, Савелию Гринбергу, Сергею Сигею и Ры Никоновой. Авангард рассматривается как мифопоэтическое и архетипическое явление, как обращенность не к тому, что будет, а к тому, что было, когда не было даже человека, не было никакой устойчивой формы, а только ее смутная и неопределенная возможность.

«Золотой осел» Апулея в переводе Ермила Кострова. Книги I – I I I . Подготовка текста и послесловие Михаила Евзлина. Ediciones del Hebreo Errante, Madrid 2009. 148 с. $49,90.

Это возвращение к старому переводу романа Апулея может показаться странным, особенно после того, как все другие вытеснил ставший классическим перевод М. Кузмина. И тем не менее перевод скромного бакалавра Ермила Кострова стоял у истоков создания «Пиковой Дамы» Пушкина и «Вия» Гоголя, а посему с полным правом он может считаться одним из фундаментальных текстов русской литературы. Перевод Кострова воспроизводится по изданию 1780 года со всеми его грамматическими особенностями. Выпущен только твердый знак на конце слов, а «ять» и латинское «i» заменены соответствующими буквами. В послесловии сопоставляется "Пиковая дама" с "Золотым ослом", не только на уровне текстуальных совпадений, а прежде всего единства темы - ложных таинств и самовольного в них посвящения, которая одинаково определяет структуру романа Апулея и повести Пушкина.

Михаил Евзлин. Обман Прометея. Сон Эдипа. Ediciones del Hebreo Errante. 2009. 112 с. $39,90

Миф о Прометее и миф о Эдипе стали своего рода идеологическими эмблемами западной цивилизации. Прометей, добывая огонь, освобождает человека от богов и подчиняет ему природу. Человек становится господином своей судьбы, который не нуждается больше ни в какой внешней помощи. Миф о Эдипе говорит что-то совсем противоположное: человек есть раб своих темных инстинктов и бессознательных влечений, и это рабство есть иначальное и окончательное, потому что предопределено природой. Прометеева свобода в конечном своем пункте становится эдиповым рабством. Имеют ли какое-то отношение эти эмблематические западные мифы к реальным греческим мифам о Прометее, сыне Иапета и Климены, и о Эдипе, сыне Лаия и Иокасты? В греческом мифе Прометей вовсе не освобождает людей от богов, а делает их рабами

своей низшей природы, отдает их в вечное владении судьбы-смерти. Дар рабства, дар смерти – это и есть единственный дар Прометея. В мифе о Эдипе, как он представляется в великой трагедии Софокла, герой борется с судьбой, терпит поражение, но вовсе не от того, что подчинился темным влечениям. Как раз эти "влечения" он победил и, ослепив себя, поднялся над своей слепой судьбой.

ИСТОРИЯ И ФИКЦИЯ

Михаил Евзлин. Секретные акции Леонида Эйтингона. Издание 2-е, исправленное. Ediciones del Hebreo Errante. 2009. 80 с. $24,90

В книге анализируются три версии воспоминаний П. А. Судоплатова, с именем которого соединены самые грязные дела, совершенные сталинскими органами безопасности: убийство Льва Троцкого, организация террористической деятельности зарубежом, кража атомных секретов... Из сравнительного анализа трех версий воспоминаний Судоплатова – английской (1994) и двух русских (1996 и 1997) – со всей очевидностью следует их коллективный характер. Факты, вплывающие против воли составителей "воспоминаний", говорят сами за себя: советская военная помощь испанской республике в гражданской войне (1936-1939) была карательной операцией и бандитской акцией, убийство Троцкого - коммерческой сделкой, а добывание так называемых "атомных секретов" - блефом советской разведки, которой руководил Судоплатов. Во всех этих делах Судоплатов выполнял роль подставной фигуры, за которой стояли такие зловещие персонажи, как Лаврентий Берия и Леонид Эйтингон.

Ефим Курганов. Бриллиантовый скандал. Старая уголовная хроника: Случай графини де ла Мотт. Ediciones del Hebreo Errante. 2007. 172 с. $44,90

Исторический роман Ефима Курганова посвящен похищению королевского ожерелья, изготовленного по заказу Людовика XV, в котором был замешан знаменитый авантюрист граф Калиостро. Скандал, вызванный этим сенсационным похищением, стал одной из причин Великой Французской Революции.

Книги издательства

Ediciones del Hebreo Errante
Madrid

можно приобрести в книжном магазине «ГИЛЕЯ» (Москва)

или
заказать в интернет-магазине:

www.esterum.com

по e-mail:

Lm@esterum.com

по факсу:

+49 (69) 490 96 21

Способы оплаты - кредитные карты,
банковский перевод

Другое
полушарие /
Another
Hemisphere
2009
№ 09